

АЛЕКСАНДР УШАКОВ

АТАТЮРК

ОСОБОЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Александр Ушаков

Ататюрк: особое предназначение

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ушаков А.

Ататюрк: особое предназначение / А. Ушаков —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715031-9

Ататюрк прожил сложную жизнь в такое же сложное время, и чаще всего политик в нем побеждал человека. Не все было безоблачно в его жизни, и он разрушал старое всеми доступными, а когда надо, то и недоступными способами. Но... судите по делам его... В новой версии жизни Ататюрка я постарался привести как можно больше интересных фактов не только из жизни самого Ататюрка, но и из османской и новейшей турецкой истории.

ISBN 978-0-88-715031-9

© Ушаков А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

От автора	5
Вместо предисловия	6
I	6
II	8
III	11
Книга первая	18
Глава I	18
Глава II	26
Глава III	32
Глава IV	37
Глава V	40
Глава VI	42
Книга вторая	46
Глава I	46
Глава II	49
Глава III	53
Глава IV	57
Глава V	60
Глава VI	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Ушаков

Ататюрк: особое предназначение

От автора

Шестнадцать лет назад я написал книгу «Феномен Ататюрка».

Книга была небольшая – всего шестнадцать печатных листов.

Это объяснялось, прежде всего, тем, что это была первая книга в нашей стране об Ататюрке, и мне приходилось собирать материалы по крупицам.

В СССР, кроме общих фраз, об Ататюрке не было написано ничего, поскольку правду писать о «Человеке XX века» было нельзя.

За эти годы появилось множество новых материалов как о жизни самого Ататюрка, что, конечно же, намного расширило представление о нем самом, и истории того времени.

И не только того, поскольку именно сейчас в Турции развернулась новая борьба между наследием Энвера и Ататюрка.

Непримиримые противники при жизни, они не закончили свой принципиальный спор и после смерти.

В новой версии жизни Ататюрка я попытался более полно рассказать о человеке, который пришел в этот мир не тешить себя несбыточными утопиями и наслаждаться абсолютной властью, а человека с молодых ногтей почувствовавшего свое высокое предназначение.

О человеке, для которого вся его жизнь стала служением Родине.

Ататюрк прожил сложную жизнь в такое же сложное время, и чаще всего политик в нем побеждал человека.

Не все было безоблачно в его жизни, и он разрушал старое всеми доступными, а когда надо, то и недоступными способами.

Но... судите по делам его...

В новой версии жизни Ататюрка я постарался привести как можно больше интересных фактов не только из жизни самого Ататюрка, но и из османской и новейшей турецкой истории.

Особенно той ее части, где рассказывается о его непростых отношениях с Москвой, которая много сделала для его победы.

Более того, я попытался не только более подробно рассказать о жизни Ататюрка, но и осмыслить его появление на политической сцене в столь необходимое для его страны время с философского взгляда на Историю.

Вместо предисловия «В тот вечер была сильная снежная буря...»

I

Али Риза положил на могилу последний камень и взглянул на застывшую в скорбном молчании жену.

– Теперь, – произнес он, – они не достанут его...

Зюбейде не ответила.

У похоронившей очередного сына матери не только слов, слез не осталось.

А если к ним прибавить еще и умершую в раннем детстве Фатиму...

Али Риза вздохнул.

Что там говорить, Чай-агзы оказался для них гиблым местом.

Дикая природа, жалкая хижина в горах, постоянные угрозы контрабандистов, потеря Омера, вырытого из могилы шакалами, и вот теперь новая напасть – смерть Ахмета.

Нет, больше им оставаться здесь нельзя.

Скорее в Салоники, где готов их новый дом.

Пора и им зажить по-человечески.

И черт с этой приносившей только одни несчастья должностью начальника таможенного поста.

Если так пойдет и дальше, то скоро у него не останется и жены.

Сказано – сделано!

И вот уже позади тревожные ночи и вой шакалов, забывалось и горе.

Зюбейде снова забеременела, и семья жила в радостном ожидании появления наследника.

И он появился.

Да еще какой!

С белым лицом, голубыми глазами и светлыми шелковистыми волосами.

И, глядя на уже успевшее стать для нее дорогим личико сына, счастливая мать от всей души благодарила не оставившего ее своими заботами Всевышнего.

Куда прохладней своей правоверной супруги относившийся к Аллаху Али Риза тоже был готов уверовать в его всемогущество в эту радостную для него минуту.

Ласково потрепав малыша по щечке, он выхватил из ножен саблю и описал ею над его колыбелью широкий круг, отгоняя от новорожденного злых духов.

На радостях никто не удосужился записать, в какой же день декабря 1881 года родился Мустафа.

Впрочем, особой необходимости в этом не было, поскольку у мусульман не принято отмечать дни рождения.

Официальных записей в старой Турции не велось, и рождение ребенка обычно отмечали на пустой странице Корана или на полях жития какого-нибудь святого.

Неясность, окружающая дату рождения Кемаля, не является чем-то исключительным.

«Я не знаю точную дату моего рождения, – пишет в своих «Мемуарах» один из высокопоставленных турок, родившийся в конце XIX века, – так как дни рождения не отмечались в то время.

Во многих семьях обычно записывали дату рождения детей на листочке, хранящемся в семейном Коране, но я не смог обнаружить следов своего рождения.

Когда я задавал этот вопрос матери, она всегда отвечала:

– Ты родился, когда начал созревать виноград...»

Точная дата рождения Ататюрка неизвестна.

Официальная «История Турецкой Республики», опубликованная в 1935 году, указывает 1880 год.

Лучший биограф Кемаля, Шевкет Сюрейя Айдемир, придерживается иной даты – 14 января 1881 года.

Другой турецкий биограф Кемаля считает датой его рождения 23 декабря 1880 года.

Сам Ататюрк символическим днем своего рождения считал 19 мая.

Именно в этот день в 1919 году он прибыл в Самсун, чтобы начать борьбу за Независимость.

И именно в этот день Турция празднует День молодежи и спорта республики.

Что же касается его родных, то Али Риза покинул этот мир задолго до того, как его сын стал великим, а Зюбейде-ханым могла вспомнить только то, что ее сын родился в то самое время года, которое у мусульман принято называть «эрбаин», что означает сорокадневные холода.

Родившаяся в 1885 году сестра Кемаля, Макбуле, вспоминала слова матери о том, что Мустафа «появился на свет в тот вечер, когда была сильная снежная буря».

Если это было так, то Ататюрк родился во время сорокадневного «хальвета», больше известного в народе как «чилле» или «эрбаин».

Это слово означает «уединение, удаление от мира, затворничество», а в переносном смысле – «таинство уединения» или «пребывание наедине с Богом».

Точно также называлось знаменитое суфийское братство, известное во многих исламских странах Востока.

Излюбленной практикой последователей этого тариката был особый вид уединения.

Все сорок дней «хальвета» дервиши оставались в своих помещениях и питались медовым шербетом и лепешками.

Именно таков был их путь физического и духовного очищения...

II

Была в рождении Мустафы и еще одна тайна.

Тайна происхождения.

Как только Ататюрк стал играть заметную роль в политической жизни Турции, так сразу же появились версии о том, что его семья происходит из секты дёнме, одним из центров которой были Салоники.

Дёнме в Османской империи называли принявших ислам евреев.

Основателем секты был мистически настроенный раввин Шабтай Цви, который появился в Измире в 1648 году и провозгласил себя мессией.

Как мессии, считал он, ему разрешалось отменить прежнюю Тору и ввести новые законы и обычаи.

За свои радикальные действия Шабтай был изгнан из Измира, странствовал по другим еврейским общинам Османской империи и к началу 1660-х годов собрал множество последователей.

В 1666 году Цви был арестован и поставлен перед выбором: либо он примет ислам, либо будет казнен.

Шабтай выбрал первое и создал секту дёнме, что в переводе с турецкого значит «отступник».

Многие последователи Шабтая Цви в Салониках восприняли переход их учителя в ислам как часть мессианского плана и тоже перешли в ислам.

К 1912 году в Салониках, по разным оценкам, было около 15 тысяч дёнме.

Они жили в своем квартале, у них были свои школы и отдельное кладбище.

Что же касается Али Ризы, то достаточно посмотреть на его фотографию, дабы понять, что никаким евреем он не был.

Мать?

Да, была похожа.

В «Еврейской энциклопедии» о Кемале сказано: «Ататюрк родился в Салониках и потерял отца еще ребенком».

О его религиозной и национальной принадлежности точных сведений нет.

А вот спекуляций хватало.

Согласно одной из них, в августе 2007 года президент Израиля Эзер Вейцман приехал в Турцию на торжества, посвященные памяти Ататюрка.

Накануне визита его пресс-секретарь Кейнан встретилась с израильской журналисткой Хиллел Халкин.

– Как ты думаешь, – спросила та, – известно ли президенту о том, что у Ататюрка еврейские корни и при каждой возможности он читал еврейские молитвы?

– Не знаю, – пожала плечами пресс-секретарь. – Я могу ему рассказать об этом, но все дело в том, насколько достоверны эти сведения.

Халкин ответила, что придет по факсу имеющуюся у нее статью.

«Слухи о еврейском происхождении Ататюрка, – говорилось в ней, – распространялись с его ранних лет.

Он отрицал их, заявляя, что слухи эти несостоятельны.

Тем не менее, он внимательно следил за всеми публикациями и разговорами на эту тему».

Старший сын предтечи современного еврейского языка Элиазара Бен Йегуды писатель и журналист Итамар Бен-Ави, рассказывая о своем визите в Иерусалим осенью 1911 года, упоминает о своей беседе с хозяином гостиницы.

– Видишь турецкого офицера с рюмкой водки в руке? – спросил тот.

- Да, вижу... И что?
- Это высокопоставленный офицер турецкой армии...
- Как его зовут?
- Мустафа Кемаль.

Бен-Ави подошел к Кемалю и завел разговор об османской политике. Во время беседы Мустафа Кемаль сказал:

– Я последователь Саббатая Цеви. Я на самом деле не еврей, но восхищаюсь этим апостолом-спасителем и хотел бы, чтобы каждый еврей принимал его, как я...

Во время той же беседы Мустафа Кемаль подтвердил слухи о своем происхождении, сказав:

– Дома у меня есть еврейская Тора, напечатанная в Италии, я и сегодня помню молитвы из нее... Shema yisrael, Adonai Eloheni, Adonai Ehad! (Слушай, Израиль, Бог наш единый!)

- Это наша главная молитва, капитан...
- Самое главное для вас – тайна для меня, уважаемый господин...

У Ататюрка были веские причины скрывать свои корни не только потому, что к секте дёнме пренебрежительно относились и евреи, и мусульмане, но и потому, что она считала незаконными все браки и сексуальные отношения вне общины».

Думается, что весь этот рассказ чистой воды выдумка, рассчитанная на дешевую сенсацию.

Как нет и, наверное, не будет ни одного великого человека, о рождении и смерти которого бы не ходили легенды.

И если им верить, то отцом Наполеона был граф де Марбеф, Иван Грозный был сыном боярина князя Овчины-Оболенского, а его мать отравили злые бояре.

Да и с Петром Первым было не все так однозначно.

Но все это по большому счету мелочи.

Главное было в том, что эти люди сделали.

Что же касается своей национальности, то сам Ататюрк говорил:

– Многие считают меня евреем, но я не вижу в этом ничего страшного. Наполеон был корсиканцем, но сделал для Франции куда больше всех французов, вместе взятых...

Зачем надо было поднимать тему о якобы еврейском происхождении Ататюрка?

Думается, это было сделано по политическим мотивам, поскольку принадлежность к дёнме давала возможность противникам Ататюрка обвинять его во всех смертных грехах при его попытках сломать традиционный мусульманский уклад турецкого общества.

Более того, сторонники султаната будут много говорить и о том, что младотурецкая революция была совершена на еврейские деньги и преследовала интересы той еврейской тайной ложи, членами которой были многие лидеры комитета «Единение и прогресс».

А, значит, и совершенная ими революция была частью мирового еврейского заговора.

Выставив Ататюрка ставленником еврейского масонства, можно очень многое в истории новой Трущии объяснить в удобном для авторов подобных тенденций свете.

Впрочем, существует и еще одна версия происхождения Ататюрка, согласно которой, его отец был наполовину серб – наполовину албанец, а мать – наполовину албанка – наполовину македонка.

Об этих загадках заговорят через три десятка лет, а пока мало кого интересовавший, кроме своих родителей, малыш и не думал умолкать.

Зюбейде-ханым выпроводила мужа из комнаты и, наклонившись над колыбелью младенца, начала тихонько напевать:

– Спи, мой серенький волчок...

И... странное дело!

Словно вняв просьбе матери, малыш умолк, дыхание его стало ровнее, и через минуту он уже видел свой первый в жизни сон.

А Зюбейде-ханым смотрела и никак не могла насмотреться на уже ставшее для нее таким дорогим личико.

Но вот начали слипаться и ее глаза, голова склонилась на грудь, и через несколько минут она заснула.

III

Думается, что во всей во всей этой истории с рождением Ататюрка куда интересней его якобы еврейского происхождения другое: весьма своевременное появление будущего отца турок на этот свет.

Не вдаваясь особенно в мистику, нельзя не заметить, что великие люди, как правило, рождаются именно тогда, когда им это и предписано Историей.

Юлий Цезарь, Александр Македонский, Иван III, Петр Великий, Кромвель, Наполеон... Эти имена говорят сами за себя.

И Ататюрк не составил исключения в этом ряду.

По извечной иронии судьбы будущий «отец турок» родился чуть ли не в тот самый день, когда и без того дышавшая на ладан империя, получив от Запада очередную звонкую пощечину, утратила контроль над своими финансами.

Как это ни печально, но это было закономерно.

«Больной человек Европы»...

Именно так стали называть Османскую империю с середины XIX века.

Считается, что во время обсуждения накануне Крымской войны «восточного вопроса» с британским послом Сеймуром так назвал слабеющую державу державу российский император Николай I.

Как случилось так, что могучая империя, которой пугали детей, смертельно заболела?

Да, очень просто: прекратила воевать.

А, вернее, завоевывать.

Сказано было одним умным человеком, что закат империи начнется в тот самый момент, как турок слезет с коня.

– Мудрость, – говорили османы, – на кончике ятагана...

И он слез с него, поскольку вечно завоевывать невозможно.

– Нацию, побеждающую только мечом, – скажет через несколько десятков лет только что родившийся ребенок, – в конце концов, изгоняют с занятых ею территорий, подвергают уничтожению, она становится несчастной и жалкой. Нищета и бедствия такой нации столь огромны и ужасны, что даже в собственной стране она может оказаться в безнадежном и рабском положении. Поэтому настоящие завоевания совершаются не мечом, а сохой. Соха – вот то оружие, которое дает нациям возможность обосноваться, закрепиться на родной земле. Соха – это не меч. Чем больше ею действуют, тем сильнее становится нация. Рука, действующая мечом, быстро устает, а рука, действующая сохой, делается с течением времени все больше и больше хозяином земли. Меч и соха – это два фатиха-завоевателя, и первого из них всегда побеждал второй. Это подтверждается всеми событиями истории, всеми наблюдениями и жизненными примерами...

Конечно, империю пытались лечить.

Реформами.

Но... ничего не вышло, поскольку организационно заточенная под войну имперская машина в мирное время буксовала.

И не могло выдти.

«Это, – писал по поводу вестернизации османских реформ К.Маркс, – означает полное отделение государства от церкви, религии и от политики.

Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии.

Коран являлся для Османской империи одновременно источником веры и закона.

Но возможно ли уравнивать в правах перед Кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю?

Это непременно означало бы на деле – заменить Коран новым гражданским кодексом, другими словами... разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей».

Ту же самую мысль выразил и турецкий историк М.Кара, только более остроумно.

«Вестернизация, – отмечал он, – начавшаяся с приходом XIX века и предусматривавшая соединить воедино два совершенно различных мира в один, напоминала попытки приладить две разные головы одному человеку».

Не везло империи и с султанами, и после Сулеймана Великолепного правителя от Бога, за исключением, может быть, Махмуда II, в ней не было.

И никакая конституция, о коей мечтали «новые османы», как называли первое поколение турецких революционеров, была не в силах изменить положение.

Почему?

Да только потому, что все эти революционеры были пусть и новыми, но все же еще османами, и никто из них не только не замахивался на основы османской государственности, но даже не осмеливался подвергнуть сомнению само ее существование.

Никто из них даже не задавался самым главным вопросом: а можно ли реформировать империю?

Ведь любая империя – это сшитое из лоскутов одеяло, которое никогда не было объединено единой верой и интересами.

А значит и целью.

И укрепление империи для завоеванных ею народов означало их дальнейшее закабаление.

При каком условии могла вырваться из турецкого ига Болгария?

Только при ослаблении Османской империи до известных пределов.

А реформы призывали раба всячески укреплять положение его господина.

Нонсенс...

Так, советская власть в Прибалтике была установлена в 1940 году, и все пятьдесят один год ее существования прибалтийские государства мечтали только о том, как выдти из состава советской империи.

Любая империя держится на силе.

Но рано или поздно эта сила идет на убыль, и тогда турки завоевывали Константинополь, а «братские» республики бежали из состава Советского Союза.

А ведь Римская империя была посильней Османской.

Да и СССР имперской слабостью вначале своих далеко не славных дел не страдал.

Ведь это только для студентов шествие советской власти по стране называлось триумфальным.

На самом деле это было шествие с огнем и мечом.

Чего только в этом отношении стоили республики Закавказья, залитые кровью людей, не желавших на своей земле никаких советов.

И было бы очень интересно услышать доказательства того, что Эстония и Таджикистан жили одними интересами.

А в то время, когда в Туркмении приписывали урожаи хлопка, в Грузии процветала теневая экономика.

Если называть вещи своими именами, то советская империя столкнулась с теми же самыми непримиримыми противоречиями, с каким сталкивалась во времена своего распада любая империя.

Поэтому никакая перестройка не могла спасти СССР.

По той простой причине, что невозможно «перестроить» жизнь и экономику целых 16 государств, давно уже живших своей отдельной от других жизнью.

Это было невозможно сделать и по той самой причине, о которой говорил Маркс в отношении Османской империи.

Только у коммунистов вместо Корана было свое Священное писание – научный коммунизм.

И осуществление перестройки с опорой на научный коммунизм означало то же самое соединение двух голов на одном теле.

Поскольку руководящая роль давно уже лишённой выдающихся деятелей партии не просто тормозила развитие страны, она мешала ей.

И если во главе государства ставили таких людей, как Черненко и Горбачев, то говорить о дальнейшем было бессмысленно.

Сталин?

Не смог бы и он.

Не хватило бы колючей проволоки.

Да и время его ушло.

– Обратим взоры на ту эпоху, – скажет по этому поводу сам Ататюрк, – когда оттоманское государство, основанное на развалинах сельджукского султаната, владело в Стамбуле короной и тронем Восточной римской империи. Среди оттоманских венценосцев были такие, которые пытались основать грандиозную империю, завоевав Германию и Западный Рим. Один из этих властителей мечтал объединить весь мусульманский мир вокруг одного центра и отсюда руководить и управлять им. С этой целью он завладел Сирией и Египтом и принял звание халифа. Другой султан преследовал двойную цель: завладеть частью Европы и, с другой стороны, подчинить своей власти и своему правлению мусульманский мир. Постоянные контрнаступления Запада, недовольства и восстания в мусульманском мире, а также взаимное непонимание между различными национальностями, которая эта завоевательная политика искусственно объединила в одних границах, – все это привело к конечному результату: Оттоманская империя, подобно многим другим, стала достоянием истории...

Но никому из реформаторов не пришла в голову такая простая мысль о том, что реформация любой империи есть не что иное, как ее распад на национальные государства.

Другое дело – сменить слабого султана на сильного.

И после долгой подковерной борьбы сменили!

Сразу двух.

Само собой разумеется, что ни о каком предоставлении свободы завоеванным странам не шло и речи.

Да и зачем?

Ведь все они «дети одной родины», османы, и конституция была лучшим тому подтверждением, поскольку политической концепцией «новых османов» стал османизм, или оттоманизм.

Они провозглашали необходимость реформирования Османской империи по европейским стандартам: введение конституционного правления, созыв парламента, установление либеральных свобод.

Они выступали против колониальной политики Запада, за независимое развитие Османской империи.

Как того и следовало ожидать, ставка на нового султана не оправдалась.

Второй сын султана Абдул-Маджида I, от жены черкешенки Тири-Мюжгян Кадын эфенди к 16-ти годам жизни с отличием овладел исламскими и мирскими науками.

Будущий император получил великолепное образование.

Особенно хорошо он знал военное дело.

Обладая великолепной памятью, Абдул-Хамид свободно владел несколькими языками, был неравнодушен к поэзии и музыке.

Особенно он любил оперу, которая покорила будущего халифа во время его путешествий по Европе.

Для Османской империи подобное искусство было чем-то непонятным и чужеродным, но Абдул-Хамид приложил немало усилий для его развития на родине.

Он даже сам написал оперу и поставил её в Стамбуле.

Молодой принц проявлял большой интерес к науке.

Основатель Германской империи, канцлер Отто фон Бисмарк, так сказал о нем:

– Если на земле есть 100 граммов ума, то 90-ми из них владеет его величество, султан Абдул-Хамид Хан, 5-ю владею я, остальными 5-ю – все остальные...

Когда 31 августа 1876 года Абдул-Хамид вступил на престол, никто не мог и предположить, что именно этот утонченный любитель оперы станет создателем самого кровавого режима в истории Османской империи, который унесёт тысячи жизней.

Абдул-Хамид II обнародовал конституцию, но умудрился получить при этом чрезмерно обширные права.

Если выражаться современным языком, новый султан «кинул» поверивших в него «новых османов» и пошел с ним на сделку только с одной целью: получить власть.

А получив ее, расправился с лидерами «новых османов» и с самой конституцией, разогнав в феврале 1878 года парламент и установив в империи мрачную деспотию, которая вошла в историю под название «зулум».

«Отец турецкой конституции» Мидхат-паша, благодаря которому султан получил престол, был обвинен в участии в заговоре и приговорен к смерти.

Помилованный по настоянию держав, он был сослан в Аравию, где вскоре умер.

Подобно своим предшественникам, Абдул Хамид сумел снова стать абсолютным монархом.

Он не был обскурантом, и его правление было отмечено многими прогрессивными реформами.

Но он был нетерпим ко всему, что хоть как-то стесняло его султанскую власть.

Несмотря на все свое образование и ум, Абдул Хамид, подобно своим предшественникам, так и не мог до конца правления понять, что такое национальные права.

В Османской империи ни одна нация не имела привилегий, в том числе и турецкая.

Именно поэтому для османов происхождение ничего не значило.

Только заслуги, преданность и личные достоинства.

И процветал тот, кто умел крикнуть громче всех во время штурма вражеской крепости, ударить сильнее саблей, растопать наибольшее количество врагов, растолкать локтями всех вокруг, лезть напролом без стыда и совести, лишь бы только во славу Аллаха и на пользу и услужение султану.

Жесткость не удивляла никого – все османы были жестоки.

Каждый нищий мог стать великим визирем, вчерашний раб – царским зятем.

Ведь сказано в Писании: «Разве же у них лестница не до неба?»

Будучи мусульманином, успеха на государственной службе мог добиться кто угодно: албанец, грек, армянин, араб, черкес, курд.

Более того, как это ни парадоксально, турки-анатолийцы считались презренной чернью.

«Назвать турком жителя Османской империи, – отмечал в 1840 году Франс Жуаннен, – это означало нанести ему глубокое оскорбление».

И ни один султан так толком и не смог понять, зачем Греция, Босния и Герцеговина, Румыния, Болгария, Кипр требовали от них национальные права.

За национальные права выступали и европейские державы, защищая соглашения, заключенные с Османской империей в период ее процветания и предоставляющие иностранцам право занимать должности, иметь своих судей и пользоваться налоговыми льготами.

Не был в этом ряду исключением и Абдул Хамид.

Как и всякий диктатор, он особое внимание уделял настроениям в обществе, сформировав для этого широкую сеть внутреннего шпионажа.

Работа шпионов и доносчиков, зачастую передававших заведомо ложную информацию, напрямую курировалась органами исполнительной власти.

Режим зулюма обернулся для империи взрывом реакции, фактической отменой всех завоеванных ранее прав и гарантий личности, разгулом беззакония и произвола, взяточничества и казнокрадства, доносов и арестов.

Пресса была либо закрыта, либо поставлена под строгий надзор цензуры.

Полурегулярная кавалерия «хамидие», исполнявшая жандармские функции и состоявшая из башибузуков, наводила страх на население, особенно в нетурецких районах империи, где произвол и насилие порой оборачивались страшными погромами с десятками тысяч беззащитных жертв, как то произошло в турецкой Армении осенью 1894 году.

Беззащитной перед лицом реакции оказалась и слабая система светского образования: школьные учебники подвергались строгой цензуре, специальные средние учебные заведения и Стамбульский университет являли собой жалкое зрелище и временами закрывались вовсе.

На всех получивших европейское образование смотрели косо, как на неблагонадежных.

Венцом системы зулюма стало ее идеологическое обрамление – доктрина панисламизма, ставившая султана-халифа главой всех мусульман.

Сам султан видел в панисламизме лишь хорошее средство укрепления собственной власти в империи и поддержки этой власти за пределами страны.

Неудивительно, что на практике панисламизм скоро превратился в сугубо реакционную идеологию, сила и влияние которой в мире и империи уменьшались по мере упадка власти султана.

Появилась беспрецедентная по своему размаху машина государственной пропаганды, чья задача сводилась к превозношению режима и нагнетанию нетерпимости по религиозному признаку внутри общества империи в рамках новой государственной идеологии – панисламизма.

Провозглашая себя лидером мусульман мира, опираясь на мусульманское большинство в самой Турции, Абдул-Хамид II старался подавить представителей иных конфессий.

Обострился и национальный вопрос, и именно к периоду Зулюма относится начало преследования этнических меньшинств и, прежде всего, армян.

Серия убийств армян 1894–1896 гг. предзнаменовала надвигающийся геноцид.

Установив военно-полицейский режим в государстве, Абдул-Хамид II ввергнул империю в деспотию и тормозил её развитие.

Результаты не заставили себя ждать, и всего через три года после его вступления на престол Турция объявила себя банкротом.

Европейские государства-кредиторы мгновенно учредили ведомство Оттоманского долга и установили над страной финансовый контроль.

По сути дела это был смертный приговор.

По большому счету вопрос стоял даже не о деньгах, а о самом существовании Турции, поскольку «больного человека» не добивали по весьма прозаической причине: интересы слишком многих европейских стран пересекались в Османской империи.

Но было понятно и то, что рано или поздно, эти интересы начнут проводиться в жизнь.

Являвшая собою самые настоящие авгиевы конюшни, Османская империя давно нуждалась в своем собственном Геракле, ибо простым смертным на таких крутых поворотах истории подобные подвиги были не под силу.

Спасти империю не мог уже никто, а вот создать на ее дымящихся развалинах новое государство могло только чудо, или сказочный герой.

Почему сказочный?

Наверное, потому, что вылечить больного можно было только, оторвав у него мешавшую ему голову и создав на его все еще больном теле «новый порядок вещей».

Иными словами, совершить то, что простым смертным не дано.

И он появился, и не сказочный, а настоящий.

Его появление можно было назвать Провидением, требованием гегелевского Высшего разума, велением Истории, как угодно!

Но главное было в том, что он пришел в этот уже очень скоро ставший для него таким тесным мир.

В отличие от перевернувших в угоду Ленину учение Маркса большевиков, он на практике доказал правильность его теоретических рассуждений о развитии турецкого общества.

Заменил, разрушил и создал.

Заменил Коран, разрушил основы старого общества и на их руинах построил новое государство.

Но все это будет потом.

И, конечно, продолжавший бодрствовать Али Реза, не мог даже и помыслить о том, что, если сто с лишним лет спустя его более чем скромное имя и будет упоминаться в книгах, фильмах и учебниках истории, то произойдет это только благодаря тому самому малышу, который мирно посапывал в соседней комнате.

Ведь ни он сам, ни его жена ничего особенного собой не представляли.

Так, самые обыкновенные македонские турки.

Отец Али Ризы был коренным жителем Салоник и отличился единственно тем, что в 1876 году принял участие в стихийном возмущении мусульман, в результате которого были убиты французский и германский консулы.

Опасаясь ареста, дед Мустафы вынужден был скрываться в горах, где и умер семь лет спустя.

Куда больше в Салониках был знаменит дядя Али Ризы по отцовской линии, Мехмед, работавший учителем начальной школы.

Выделялся он необычайным цветом бороды и знанием Корана, за что и получил прозвище Кырмызы Хафыз – Красный знаток Корана.

А вот сам Али Риза особыми талантами не блистал, а посему и перебивался в должности мелкого чиновника.

Сначала в управлении мусульманскими религиозными обществами – вакуфами, а затем в таможенном ведомстве.

В 1874 году он был назначен комендантом таможенного караульного поста на турецко-греческой границе в поселке Чайагзы, куда по бурным горным рекам сплавлялся с отрогов Олимпа заготовленный на экспорт лес.

Али Риза должен был бороться с контрабандой, и занятие это было не только весьма беспокойным, но и в высшей степени небезопасным.

Если с чем ему и повезло, так это с женой.

Однако успешно занимавшийся торговлей и имевший свою землю отец невесты мечтал о куда более выгодной партии для своей дочери и встретил предложение мелкого чиновника в штыхы.

И только заступничество давшего бедному жениху на положенный в таких случаях выкуп деньги сводного брата невесты Хуссейна-аги помогло тому сломить сопротивление непреклонного родителя.

С будущей женой Али Риза увиделся только на свадьбе и остался очень доволен увиденным.

Совсем еще юная, всего пятнадцать лет, Зюбейде, с ее редкими для турчанок светлыми волосами и голубыми глазами, была куда как хороша.

После свадьбы Зюбейде поселилась в родительском доме Али Ризы, а он сам отправился в Чайагзы.

Но уже очень скоро, не выдержав раздельной жизни с молодой и красивой женой, он увез ее в свое глухое горное селение.

И хотя Зюбейде-ханым совсем не горела желанием сменить благоустроенный городской дом на убогую хижину в горах, перечить мужу она не осмелилась и, наступив на горло собственной песне, отправилась в добровольную ссылку.

За прожитые в быстро осточертевшем Зюбейде Чайагзы три года у них родилось двое сыновей, но Всевышний призвал их к себе.

И вот теперь все их надежды были на только что появившегося на свет Мустафу.

Али Риза еще раз поздравил себя с рождением сына, выпил последнюю рюмку и через несколько минут уснул.

Оставим счастливое семейство и мы.

Но уже очень скоро мы снова вернемся к маленькому Мустафе и вместе с ним проживем, может быть, не очень долгую, но насыщенную событиями жизнь, вместе с ним познаем горечь поражений и радость побед, тоску одиночества и мучительные раздумья...

Книга первая РОДИНА И СВОБОДА

*Невелика ценность человека, думающего больше о самом себе,
нежели о счастье родины и нации.
Мустафа Кемаль Ататюрк*

Глава I

Как и солдатами, великими не рождаются, и, словно подтверждая эту простую истину, маленький Мустафа ничем не напоминал собою будущего героя, а если чем и отличался от своих сверстников, так это только еще большей капризностью и непослушанием.

Но ослепленная любовью мать просила ему все и спешила исполнить любую его просьбу.

А стоило ей только повысить на сына голос, как в его глазах мгновенно загорался недобрый огонь, и тогда ей казалось, что на нее смотрит не маленький ласковый волчонок, а способный на все матерый волк...

Пройдут годы, и уже совсем другие люди отметят удивительную способность глаз Мустафы менять свою окраску в зависимости от испытываемых им чувств.

Темневшие в минуты хорошего расположения духа, они становились почти стальными в минуты наивысшего нервного напряжения, как это бывало на фронтах.

«Глаза, дающие тон всему его облику, – писал в своих воспоминаниях полпред РФСР в Турции С.Аралов, – стальные, выражающие сильную волю.

Мне приходилось присутствовать при решении боевых задач: тогда его глаза, казалось, не видели собеседника».

Когда мальчику исполнилось всего шесть лет, между родителями разгорелись ожесточенные споры о его будущем.

Правоверной из правоверных Зюбейде-ханым хотелось видеть сына духовным лицом, а куда более просвещенный Али Риза горел желанием отдать его в светскую школу.

– Отец мой, – вспоминал Ататюрк, – придерживался либеральных взглядов и прозападной ориентации, не принимал никакой религии. Он предпочитал светские школы в отличие от матери, которая настаивала на том, чтобы я получил мусульманское религиозное образование...

Дабы не обижать жену, Али Риза принял соломоново решение.

В положенный день ходжа отвел Мустафу в медресе, а через неделю отец перевел его в знаменитую на все Салоники светскую школу Шемси-эфенди.

И больше всех этому переходу радовался сам Мустафа.

Уж очень ему не понравилось сидеть на коленях в полутемной комнате и, заучивая наизусть суры, то и дело получать удары указкой от ходжи.

Но существует и другая версия перехода Мустафы в светскую школу.

Согласно ей подрастающий волчонок впервые показал свои острые зубы и в одно далеко не такое прекрасное для матери утро наотрез отказался ходить в медресе.

Для Зюбейде-ханым это было настоящим ударом, и чего она только не делала, чтобы наставить взбунтовавшегося сына на путь истинный.

И грозила, и требовала, и умоляла.

Но Мустафа был непреклонен.

И кто знает, может быть, именно эти часы, проведенные в полутемной комнате за насильственным изучением сур, породили в мальчике ту неприязнь к служителям культа, которую он пронес через всю свою жизнь.

Матери пришлось уступить, и, к великому ее огорчению, белоснежное одеяние, ветка вербы и позолоченный тюрбан за их полной ненадобностью были навсегда убраны в старый шкаф.

Маленький бунтарь с превеликим удовольствием отправился в светскую школу того самого Шемси-эфенди, о которой говорил Али Риза на памятном для всех семейном совете.

Конечно, его новой школе тоже было далеко до совершенства, но по сравнению с медресе это был шаг вперед.

Очень скоро Шемси-эфенди во весь голос заговорил о необычайном математическом таланте мальчика.

Не уступал он своим сверстникам и в других науках, на лету схватывая то, что с трудом давалось другим детям.

Но, как это ни печально, учился Мустафа недолго.

От чахотки умер потерпевший фиаско во всех своих коммерческих начинаниях и постоянно топивший свое горе на дне бутылки Али Риза, и семья оказалась на грани нищеты.

Чиновничья пенсия составляла сущие гроши, и, дабы хоть как-то сводить концы с концами, Зюбейде-ханым стала сдавать часть дома.

Денег все равно не хватало, и увязшая в долгах вдова была близка к отчаянию.

И, как это часто бывает, помощь подоспела с совершенно неожиданной стороны.

Вместе с Мустафой и его младшей сестрой отчаявшуюся женщину пригласил к себе ее сводный брат Хуссейн-ага, который работал управляющим крупного поместья в каких-то двадцати пяти километрах от Салоник.

Правда, и по сей день остается неизвестным, на самом ли деле испытывал приложивший руку к несчастливому браку Зюбейде-ханым «братец» угрызения совести, или был, как поговаривали злые языки, весьма равнодушен к голубым глазам своей названной «сестрицы», выглядевшей, несмотря на пять родов, достаточно привлекательной.

Как бы там ни было, так своевременно последовавшее предложение было принято, и совершенно неожиданно для себя маленький Мустафа оказался в деревне, где царили первозданная тишина и полное отсутствие каких бы то ни было занятий.

Очень скоро сельская идиллия начала угнетать мальчика, чья деятельная натура настоятельно требовала хоть какого-нибудь занятия.

Но когда его дядька нашел ему таковое, Мустафа только презрительно скривил губы.

Ему совсем не улыбалось гонять ворон с полей, и он стал еще более дерзким и неуправляемым.

Понимавшая состояние сына мать не обижалась.

Да, чистый воздух и хорошее питание стоили дорогого, но и они не могли заменить чтения книг и общения с образованными людьми.

Дабы хоть чем-то занять сына и дать выход его постоянно бившей через край энергии, Зюбейде-ханым устроила его в расположенную в соседнем селе христианскую школу.

Но и здесь ее ждало разочарование: у мальчика не было ни малейшей охоты изучать старые и новые заветы из пришедшей на смену Корану Библии.

Ее взор упал на местного письмоводителя, но уже с первых уроков тот проявил такое невежество, что изумил им даже маленького Мустафу.

Договор был расторгнут, и... снова началось вынужденное безделье.

А где-то в школах скрипели перья, исписывались тетради и сверстники Мустафы уходили все дальше и дальше по ведущей в просторные чиновничьи кабинеты светлой дороге знаний.

В деревне время явно замедлило свой бег, и каждый проведенный в битве с воронами день все дальше отдалял Мустафу от намеченного ему матерью светлого будущего.

И ей не осталось ничего другого, как отправить сына в Салоники, в рюшдие – среднюю гражданскую школу, созданную правительством в Салониках, как и в других главных центрах империи...

Соскучившийся по занятиям Мустафа принялся поражать учителей своими недюжинными способностями и непостижимым умением схватывать все сказанное ими на лету.

Но и на этот раз Зюбейде-ханым недолго радовалась успехам сына, прошло всего два месяца, и он снова оказался не у дел.

За ссору с одним из учеников его жестоко избил помощник директора школы Каймак Хафыз, и тетка Мустафы забрала его из ненавистной ей светской школы.

И напрасно возмущенная его поступком мать требовала вернуться в школу.

Мальчик только хмурился и смотрел на нее своими удивительными глазами, в которых горели так пугавшие ее огоньки.

В школу возвращаться он отказался, несмотря на все ее увещевания и мольбы.

И только когда ее требования стали совсем нестерпимыми, Мустафа приподнял завесу тайны.

– Хорошо, – с каким-то поразившим Зюбейде-ханым спокойствием произнес он, – я вернусь в Салоники, но только для того, чтобы рассчитаться с Каймаком!

Испуганная его решительностью мать настаивать на возвращении в школу перестала.

В том, что Мустафа способен исполнить свою далеко не детскую угрозу, Зюбейде-ханым не сомневалась.

Была в нем какая-то непонятная ей сила.

Снова потянулись однообразные деревенские будни с их вынужденным бездельем, и снова Зюбейде-ханым потеряла с таким трудом обретенный ею покой и целыми днями размышляла о будущем сына.

Но на этот раз Мустафа не пожелал идти у нее на поводу и, к великому огорчению матери, пожелал стать... военным.

– Ты помнишь, какой подарок сделал тебе отец по случаю моего рождения? – спросил он мать.

– Саблю, – ответила мать.

– Куда ты поместила эту саблю?

– Над твоей колыбелью.

– Это означает, что отец хотел, чтобы я стал военным! – торжествующе воскликнул Мустафа. – Да ты и сама мне не раз говорила об этом, – неожиданно улыбнулся он.

Мать только покачала головой: надо же так все перевернуть!

А все дело было в том, что храбрец Мустафа в детстве страшно боялся мышей.

И когда он при виде их вздрагивал, мать успокаивала его.

– Ты же будешь солдатом! – говорила она. – Разве подобает солдату бояться?

По рассказам сестры Кемал Макбуле, ее брат с детства увлекался всем, что было связано с армией, очень интересовался оружием.

Да, это было так, однако расстроенная до глубины мать души, ответила решительным отказом.

Но... нашла коса на камень, и жестоко завидовавший щеголявшему по городу в форме учеников военной школы сыну их соседа майора Кадри Мустафа упрямо стоял на своем.

– Нашим соседом был майор Хатип, – вспоминал он позже. – Его сын Ахмет учился в военной школе, носил форму этой школы. Мне хотелось быть одетым, как он. Я часто встречал офицеров на улицах и понял, что должен пойти в военную школу, чтобы стать таким, как они...

Невзлюбивший мусульманское одеяние, мальчик страстно мечтал о том счастливом для него дне, когда и он наденет на себя военный мундир.

Вторил ему и Хуссейн-ага.

– Ты же сама видишь, – убеждал он сестру, – что с его раздражительностью и вспыльчивостью из него никогда не получится коммерсант и уж тем более духовное лицо! А в военном училище и учат хорошо, и дисциплина строгая, да и будущее его будет обеспечено! Почему ты упрямисься?

Но Зюбейде-ханым только качала головой.

Да, все так, и учили в военных училищах хорошо, и дисциплина была в них строгая, и будущее офицера в Османской империи было обеспечено.

Но любое военное училище в ее глазах являло собой не только светлый храм знаний, но и самый настоящий вертеп, где курсантов учили не только наукам, но и всем существовавшим на свете порокам.

И только при одной мысли, что ее любимый Мустафа будет служить этим порокам, ей становилось не по себе.

К тому же султанская армия постоянно воевала, и сына могли просто-напросто убить, и напуганная столь страшными для нее перспективами мать упрямо стояла на своем.

Все, что угодно, но никогда ее милый Мустафа не будет офицером.

Не пожелавший уступать маленький волчонок снова показал свои острые зубки и 12 марта 1993 года поступил в подготовительную военную школу в Салониках без согласия матери.

Стал ли Кемаль военным только из-за престижа военного мундира?

Подобный вопрос кажется упрощенным.

Да, сделать карьеру на государственной службе было мечтой каждого османа, а армия давала такой шанс.

В былые времена империя увенчала себя славой военных завоеваний, а в конце XVII века, когда побед стало меньше, реформаторы, в первую очередь, занялись преобразованием армии.

Обновленные, зачастую с помощью иностранных консультантов, и освобожденные от социальных предубеждений, офицерские школы превратились в передовые учреждения империи.

Стать пашой (генералом), офицером, или военным врачом мечтали многие мальчишки.

И все же, как ни велика была тяга ребят к так выгодно отличавшейся от мусульманских одеяний военной форме, решающую роль в их выборе играла все же не она.

Стремление защищать родину молодое поколение тех трудных для империи лет впитывало с молоком матери.

Именно Македония больше других областей страдала от военных угроз, и будущие офицеры с младых ногтей попадали в обстановку, где слово «патриотизм» было далеко не пустым звуком.

Далеко не последнюю роль играло и честолюбие.

Именно амбиции вместе с врожденным в каждом из них морлодых людей инстинктом самосохранения и патриотизмом заставляли многих юношей становиться офицерами.

Не обходилось и без романтики.

Другое дело, что не всем удавалось достичь на этом славном поприще тех вершин, какие было суждено покорить самому Мустафе.

Но, с другой стороны, сложно себе представить, что десятилетний Мустафа мечтал о карьере.

Какой бы скучной ни была информация о детстве и юности Кемалья, можно предположить, что его стремление стать военным было продиктовано желанием носить красивую форму и самой обыкновенной романтикой.

Ведь армия – это война, а, значит, слава.

Зная упрямство Мустафы можно было не сомневаться в том, что он переступил бы через любую посмертную волю отца, если бы она шла вразрез с его собственными устремлениями.

«Взрослея, – скажет Кемаль в 1926 году, – я всегда предпочитал быть самостоятельным. . .

Тот, кто живет в семье, прекрасно знает, что постоянно находится под присмотром близких, впрочем, бескорыстным и очень откровенным.

Тогда оказываешься перед дилеммой: или повиноваться, или совершенно не считаться с их мнением и советами.

На мой взгляд, и то, и другое плохо».

Думается, что вряд ли подобное признание соответствовало истине.

Где-где, а в военных училищах с их палочной дисциплиной никто самостоятельным не был.

Хотя кто знает!

Вполне возможно, Мустафа воспринимал подчинение воспитателям-офицерам как должное и не желал слушаться мать.

Конечно, та знала о той непостижимой легкости, с какой Кемаль сдал экзамены, и. . . продолжала оплакивать потерянного, как ей казалось, навсегда сына.

Но стоило ей только увидеть Мустафу в так идущей ему военной форме, как она, мгновенно позабыв все свои опасения, с неподдельным восхищением воскликнула:

– О, мой маленький паша!

Лед тронулся, и с этой минуты Зюбейде-ханым ни о какой другой карьере для своего «маленького паши» не помышляла.

Утешало ее и то, что трое сыновей ее родственников – Салих, Нури и Фуад Булджа – тоже решили посвятить свою жизнь служению в армии.

Для самого Мустафы наступили суровые после безмятежной и вольной жизни на природе времена.

И не знавшему дома, что такое «надо» и «нельзя», ему приходилось терпеть.

Но подобные мелочи не огорчали мальчика.

Он учился, а все остальное мало волновало его.

И уже тогда он мечтал о будущем.

Рюшдие была только первой ступенью среднего военного образования, после которой предстояла учеба в военном лицее, а затем и в Харбие, как называлась высшая военная школа.

Попасть в нее было нелегко: если средних военных училищ в Турции хватало, лицеев насчитывалось всего семь, а столичная Харбие была только одна.

И учиться в ней было верхом мечтаний любого курсанта, поскольку наиболее способные ее ученики, получив лейтенантский чин, зачислялись в классы генерального штаба, откуда выходили в чине капитана.

Эти офицеры являли собою армейскую номенклатуру, с уже обеспеченной карьерой, и Мустафа решил во что бы то ни стало войти в офицерскую элиту империи.

Благо, что все предпосылки у него для этого были.

Сразу начав выделяться среди сверстников, он прекрасно успевал по всем предметам, но особое предпочтение отдавал французскому языку и математике.

И уже тогда в нем стало заметно стремление к лидерству везде и во всем.

Асаф Илбай, который был другом детства Мустафы Кемалья, вспоминал, что он не очень любил участвовать в дворовых играх, а больше сидел и наблюдал за тем, как играют его товарищи.

Однажды Асаф Илбай и другие ребята все же уговорили Мустафу поиграть с ними, но узнав правила игры, Мустафа наотрез отказался наклониться, чтобы через него могли перепрыгнуть другие.

– Я, – сказал он, – не буду наклоняться, если кто-то хочет перепрыгнуть через меня, пусть прыгает так...

Еще рассказывают, что как-то раз в начальной школе на уроке физкультуры Мустафа участвовал в соревнованиях по бегу.

Победитель включался в список участников межшкольных соревнований. Мустафа, победив в первом туре, лидировал во втором, как вдруг увидел на обочине маленькую раненую птицу, которая пыталась взлететь.

Мустафа остановился и взял ее в руки.

В том туре он пришел последним, но было невероятно счастлив оттого, что спас птицу.

И тогда ученик, который пришел первым, сказал:

– Мустафа остановился, чтобы спасти птичку, на самом деле он бежит быстрее меня и лучше представит нашу школу.

Учитель объявил победителем Мустафу, который в межшкольном соревновании завоевал для своей школы победный Кубок.

Проявлял он свои недюжинные способности и вне школы и часто становился победителем всевозможных математических конкурсов, организованных «Руководством для детей».

Тогда же в его жизни произошло знаменательное событие.

Дабы не путаться, учитель математики, Мустафа Сабри, предложил ему взять второе имя – Кемаль.

Гордый от сознания того, что ему предлагают получить имя, означавшее на арабском языке «зрелость» и «совершенство», он с радостью согласился и очень быстро оправдал его, получив сержантское звание и став старостой класса.

Он намного превосходил знаниями математики других учеников, и со временем преподаватель стал поручать ему проведение репетиторских занятий с одноклассниками.

Вот тогда все с некоторым удивлением увидели совсем другого Кемалья: нетерпимого к чужим слабостям и требовательного.

Его властный и вспыльчивый характер не нравился никому, но, как только его пытались поставить на место, он начинал говорить о своем особом предназначении.

Конечно, над ним смеялись, но Кемаль только презрительно морщился и продолжал пребывать в своем, как тогда многим казалось, весьма неприятном для него заблуждении.

Было ли это убеждение Кемалья заблуждением?

Как показала жизнь, нет, не было.

– Человек, не осознавший свое назначение, – говорил Конфуций, – не может считаться великим человеком.

Кемаль осознал, и теперь ему предстояло на собственном опыте осознать всю правоту и другого выражения Конфуция: «В жизни нет ничего важнее, чем исполнить предначертанное, и нет ничего более трудного...»

Доставалось от него и учителям.

Он не признавал никаких авторитетов и всегда оставался при своем мнении.

Наиболее ярко его нежелание оставаться на вторых ролях проявилось во время второго замужества матери, вышедшей замуж за служащего салоникского отделения французской табачной концессии «Режи» Рагыба-эфенди.

Конечно, будь Кемаль постарше, он понял бы жившую на скромные подаяния родственников и смертельно уставшую от нищеты мать и без особого насилия над собой смирился бы с появлением в своем доме нового папы.

Но куда там!

Самолюбие его было болезненно задето, и в знак протеста он... решил оставить родительский дом.

Да и что ему было делать там, где теперь первую скрипку играл другой мужчина?

И, несмотря на отчаянные попытки испытывающей несказанные страдания матери объяснить сыну неизбежность подобного шага, лед между ними тоньше не становился.

Никто не мог убедить Кемалья играть второстепенные роли, и, озлобленный на весь мир, он с мрачной решимостью говорил ничего не понимавшим в его странном поведении однокашникам:

– Они еще узнают, кем я буду!

Пребывая в те трудные для себя дни далеко не в самом лучшем расположении духа, он ссорился со всеми, кто только подворачивался ему под руку, и, обрекая себя на полное одиночество, продолжал жить обособленной от всех жизнью.

Да и зачем ему был кто-то нужен, если у него были книги и любимая математика.

А когда надоедало читать, он отправлялся гулять по Салоникам, любуясь великолепными памятниками римской и византийской архитектуры.

Это был крупный по тем временам город с населением более 150 тысяч человек, и большую часть его составляли бежавшие сюда еще в конце XV века из Испании от гонений Великого инквизитора Торквемады евреи.

Значительными по численности были общины греков и болгар.

Турок было всего 14 тысяч, приблизительно столько же было других мусульман: албанцев и так называемых дёнме – обращенных в ислам евреев.

И к великому удивлению Кемалья, те самые турки, к которым принадлежал и он сам, не только не процветали в Салониках, а находились в них на положении униженных и оскорбленных.

Разница была во всем.

В одежде, в жилищах, в манере вести себя.

И, попадая из центра города с его великолепной набережной, европейскими отелями и утопавшими в зелени особняками иностранцев в районы живших на окраинах мусульман, Кемаль видел огромную разницу.

Он с тоской смотрел на закутанных в паранджу женщин, однообразно и серо одетых мужчин и никак не мог понять, почему же и они не могут жить той же радостной и красивой жизнью, которая царила в немусульманских районах города.

Но еще больше поражало его презрение, с каким иностранцы обращались с его соотечественниками, унижая их везде, где только было можно.

Любой чиновник входил во дворец губернатора как на завоеванную территорию и всегда добивался того, чего хотел.

Кемаль с недоумением и обидой наблюдал за тем, как простой консульский курьер своей длинной палкой преграждал путь турецкому должностному лицу.

А что творилось в гавани, куда безо всякого на то разрешения заходили иностранные корабли и матросы с видом победителей разгуливали по городу.

Особенно безобразные сцены разыгрывались по вечерам, когда основательно подогретые вином иностранные моряки шатались по городу, задирая прохожих и приставая к женщинам.

И странное дело!

Все эти оскорбления Кемаль воспринимал так, словно они были направлены против него.

Однажды какой-то полупьяный матрос дал не успевшему уступить ему дорогу пожилому турку пощечину.

Кемаль не выдержал и кинулся на него.

От страшной расправы его спасло только чудо, поскольку с трудом сохранявший равновесие «морской волк» просто не смог догнать его.

Целый вечер бродил он по берегу моря, в сотый раз задаваясь вопросом, почему эти лощеные иноземцы ведут себя как победители и ни у кого из его соотечественников не возникает желания дать им достойный отпор.

Разве не достойны лучшей жизни они, завоевавшие пол-Европы и Африку?

Так почему же они пресмыкаются перед всеми этими французами и англичанами?

Кемаль вернулся в училище в плохом настроении, а потом целую неделю не выходил в город.

Надо полагать, что дело было не в какой-то особой его слабости и ранимости.

По всей видимости, в Кемале было нечто, идущее сверху, что каждый раз заставляло его душу болезненно сжиматься от обиды за таких же турок, каким он был и сам.

И это нечто усиливалось жившим в нем тем самым чувством высшей справедливости, которое заставляло его еще в школе всегда заступаться за слабых и беззащитных.

Возможно, именно тогда в наполненной обидой душе появлялись и крепи первые ростки того самого чувства, которое и принято называть национальным самосознанием.

Унижение себе подобных всегда порождает в душах избранных желание избавить их от этих страданий.

Да и в самом сострадании изначально заложена великая истина тайного знания, так или иначе освещавшего внутренний мир такого избранного.

И именно это тайное знание, в конце концов, зажигает в душах великих тот самый костер, который рано или поздно сжигает окружавшие их ветхие формы, а рождающаяся при этом мудрость постепенно складывает пока еще смутные контуры будущей жизни.

– Боль на кончине пальца чувствуется во всем теле, – говорил сам Кемаль, и эта фраза объясняет многое...

Глава II

Когда учеба в рюшдие подошла к концу, Кемаль еще раз больно ударил по чувствам матери.

Несмотря на то, что в Салониках имелся прекрасный военный лицей, он в 1996 году поступил в военную школу в находившемся на западной границе империи захолустном городишке Монастире.

Лепившийся по склонам гор провинциальный городишко из серого камня не шел ни в какое сравнение с великолепными Салониками.

И, тем не менее, Монастир был важным торговым, административным и военным центром.

Население имевшего около шестидесяти мечетей городка приближалось к 40 тысячам человек, и жившие в нем мусульмане в большинстве своем имели албанское и славянское происхождение.

Хватало в нем и занимавшихся торговлей греков.

Чего в городе не было, так это спокойствия, и расположенным здесь воинским частям то и дело приходилось сталкиваться с постоянно возмущенными болгарскими, македонскими, сербскими и греческими националистами.

А вот сама школа Кемалю понравилась.

Для полноценной учебы в ней были созданы все условия, и он справедливо считался самым передовым учебным заведением подобного типа во всей Османской империи.

Пройдут годы, и Мустафа Кемаль с большой теплотой будет вспоминать уроки истории, которые вел майор Мехмед Тевфик-бей.

А преподавать историю в те времена было в высшей степени опасно, поскольку империя переживала самое тяжелое время в своей истории.

Никто, включая даже самых высокопоставленных чиновников, не был защищен в ней от насилий, утраты имущества, свободы, а нередко и самой жизни.

Люди исчезали ночью, и не всегда было даже понятно, за что их брали.

В министерствах и ведомствах ряды чиновников редели буквально на глазах, а многие молодые офицеры армии и флота заплатили за свои либеральные убеждения жизнью.

Десятки, если не сотни тысяч султанских шпионов работали в армии, учебных учреждениях, в чиновничьих палатах и даже в семьях, и на основании их доносов султан каждый день отдавал приказы об арестах, ссылках и тайных убийствах.

«Темные улицы застыли от страха, – описывал в своих мемуарах известный писатель Халид Зия те страшные времена. – Чтобы перейти из одной части города в другую, нужна большая смелость...»

Шпионы, шпионы, шпионы...

Все без разбора боялись друг друга: отцы – детей, мужа – жен.

Открытых главарей сыска уже знали, и при виде одних их теней головы всех уходили в плечи, и все старались куда-нибудь укрыться...»

И при страдавшем маниакальной подозрительностью султане иначе не могло и быть.

Спрятавшись в своем дворце, он постоянно менял здания и комнаты, отведенные ему для сна.

Абдул Хамид спускал курок при каждом подозрительном шорохе, и нередко его выстрелы попадали в слуг и идущих к нему на прием чиновников.

В своей подозрительности султан дошел до того, что даже на территории дворца его сопровождала целая армия телохранителей, а сам дворец был окружен войсковыми казармами с особо преданными ему частями.

Из своего добровольного заточения Абдул Хамид выходил только по пятницам, когда ездил молиться в Святую Софию.

Но, увы, Тевфик-бей боялся говорить со своим учеником на тему, которая могла стоить ему головы...

Как и многие его сверстники, юный Кемаль не имел представления и о десятой доли того, что творилось в стране, и не питал к султану ни малейшей злобы.

Да и откуда ей взяться, этой самой злобе, если сам великий Намык Кемаль и не думал посягать на престол и боролся только с ненавистными ему чиновниками!

Наряду с математикой и историей Кемаль увлекся риторикой и часами упражнялся в ораторском искусстве.

Эти занятия не пройдут для него даром, и он всегда будет поражать аудиторию прекрасным изложением своих мыслей, говоря по несколько часов подряд и не пользуясь конспектами.

А это, что бы там ни говорили, показатель!

Как и в каждом учебном заведении, в школе существовало несколько борющихся между собой за лидерство группировок.

Одну из них – салоникскую – возглавлял сам Кемаль.

Выяснения отношений между ребятами зачастую кончались кровавыми разборками, и однажды только чудо спасло Кемаль от верной смерти.

Он проснулся в тот самый момент, когда один из обиженных им накануне ребят уже занес над ним нож.

Еще немного – и... никому и никогда не понадобилось бы писать подобную книгу.

Но все кончилось благополучно.

Увидев, что его обидчик проснулся, парень бросил нож и убежал.

Конечно, стычки продолжались и позже, однако Кемаль довольно жестоко пресекал любые попытки других группировок посягать на его власть.

И, глядя на то, с какой яростью он отстаивал свое первенство, можно было подумать, что он взял на вооружение провозглашенный много веков назад Ганнибалом принцип: «Умри, но завоюй!»

Тем не менее, в школе у него было много друзей, но особенно близко он сошелся только с Омером Наджи, Али Фетхи и Кязымом.

Переведенный из Бурсы за какие-то неблагоприятные проступки Омер Наджи станет видным трибуном «Единения и прогресса», примет активное участие в революционном движении в Иране, будет там арестован и приговорен к смерти.

И только с большим трудом правительству удастся добиться освобождения отчаянного Омера.

Он и умрет как самый настоящий поэт в 1915 году в том же Иране, где попытается поднять на борьбу с Союзниками местные племена.

И именно он познакомил Кемаль с новой турецкой литературой, возникшей под влиянием Танзимата, как стали называть прогрессивные реформы середины XIX века, и борьбы новых османов за конституцию.

Рискуя многим, Омер Наджи давал Кемалю читать запрещенные стихи Ибрагима Шинаси, Зии-паши и Намыка Кемаль, который стал к тому времени властителем дум молодого поколения.

Я милостей чьих-то не клянчу и крыльев чужих не прошу.

Я сам в своем небе летаю, и светит мне собственный свет!

Ярмом мне шею сдавили, оно тяжелее, чем цепи раба.

Я мыслью вольный, и разумом вольный,

И совестью вольный поэт!

Читая эти строки Тевфика Фикрета, лишний раз убеждаешься в том, что большие поэты страшнее десятков философов, исписывавших сотни страниц, чтобы выразить одну простую мысль.

«Я сам в своем небе летаю, и светит мне собственный свет!»

Лучше не скажешь...

Свободолюбивые идеи падали на благодатную почву, и стремление к познанию мира, желание жить красивой и светлой жизнью переполняло душу романтически настроенного Кемалья.

И если Ибрагим Шинаси и Зия-паша лишний раз убедили Мустафу в том, что без образования и европейской цивилизации невозможно стать настоящим человеком, то у Намыка Кемалья он нашел то, о чем пока только смутно догадывался.

Воспеваемые мятежным поэтом идеи родины, нации и пусть пока еще и не национального турецкого, а османского патриотизма находили горячий отклик в душе юноши.

Восхищенный глубиной и в то же время простотой изложения Кемаль заучивал наизусть стихотворения знаменитого поэта и повторял несколько патетические и грубоватые слова Намыка Кемалья:

– Пусть придут, соберутся все силы, любые превратности рока, низкой шляхой я буду, если нацию брошу и с пути ее вспять возвращусь...

По большому счету эти стихи стали для Кемалья той самой клятвой, от которой он в течение всей своей жизни не отступил ни на йоту.

А ведь против него собирались могучие силы, да и рок был не всегда на его стороне.

Тем не менее, Кемаль и не думал возвращаться «вспять» с того усеянного шипами и терниями пути, по какому он привел нацию к независимости.

Он настолько увлекся стихами, что стал их писать сам.

Однако один из преподавателей школы быстро остудил его пыл, заметив, что писание стихов недостойно офицера.

Музы музами, но военная карьера – прежде всего.

Другой приятель Кемалья, Али Фетхи, был на год старше его.

Происходивший из родовой и обеспеченной семьи, этот красивый юноша был хорошо воспитан и прекрасно владел французским языком.

Он исправно учился военному делу, но куда больше его привлекали абстрактные науки.

Именно от Али Фетхи Кемаль впервые услышал знаменитые на весь мир имена Вольтера, Руссо, Монтескье и Огюста Конта.

Начиная, по его собственным словам, «кое-что понимать в политике», он часами говорил с приятелем о Великой французской революции и ее идеалах.

Эти беседы, а нередко и споры заставили Кемалья обратить особое внимание не только на французский язык, но и на историю республиканской Франции.

Что же касается третьего приятеля, Кязыма, то никакими особыми талантами сей молодой человек не блистал, а если чем и отличался, так это только своей невероятной преданностью Кемалю.

Нельзя не сказать еще об одном однокашнике Кемалья, который на долгие годы станет его злым гением.

Будущий правитель Турции Энвер-паша был ровесником Кемалья, но учился двумя годами старше, и молодые люди прекрасно ладили между собой

Именно с этими ребятами Кемаль проводил все свое свободное время, и чаще всего они отправлялись в кафе, где подолгу беседовали на самые различные темы и играли в трик-трак.

Кемаль оказался азартным игроком и не любил проигрывать.

Увлечение поэзией не прошло для Кемалья бесследно.

Война с Грецией вызвала у него необыкновенный патриотизм, и он решил отправиться на фронт.

И вряд ли мать, к которой он заехал по дороге, сумела бы отговорить его от этой безумной затеи, если бы так своевременно не закончилась война.

Греческая армия была разбита, и Кемаль ликовал так, словно сам принимал участие в сражениях.

Дорога на Афины была открыта, и газеты на все лады славил армией.

Но, увы, победная эйфория длилась недолго.

Подобный исход пришелся не по нраву западным странам, и они быстро указали воспрянувшей духом империи на ее место, заставив подписать совершенно ей ненужное перемирие.

Вместе с другими учениками Кемаль не мог скрыть своего недоумения.

Как же так, вопрошал он!

Его родину унизили в глазах всего мира, и она покорно проглотила обиду!

Наряду с этим законным недоумением в нем появилось и недоверие к управлявшим страной людям.

В значительной степени оно подогревалось молодыми офицерами из стоявших в Монастыре частей, имевшими все причины быть недовольными существующим режимом, опорой которого являлись крупные феодалы, вожди племен, высшее мусульманское духовенство и бюрократия.

Образованность любого человека рассматривалась как первый признак его политической благонадежности.

Среди османских министров не было ни одного человека с высшим образованием, а в армии предпочтение отдавалось выслужившимся из унтеров невеждам.

Конечно, Кемаль еще не мог понимать всего зла, какое являла для страны абсолютная султанская власть, и всю вину за свалившиеся на империю беды возлагал на ее высших чиновников и министров.

«Наши преподаватели, вспоминал он, – заявили нам, что мы можем оккупировать всю Грецию.

Но когда новость о перемирии дошла до нас, курсанты испытали глубокое разочарование.

Но мы не могли задавать вопросов.

Только мой друг Нури рассказал мне, как один молодой офицер плакал, заявляя, что всё происшедшее печально.

Тем не менее, на улицах Манастира была организована радостная манифестация и снова раздавались крики: «Да здравствует султан!»

Впервые я не присоединился к подобному пожеланию».

На этот раз Кемаль не был единственным, кто сомневался.

Нежелание Кемалья славить султана говорило о многом, и, в первую очередь, о том, что он стал серьезно задумываться о настоящем и будущем страны.

И смотрел он на это настоящее, судя по всему, уже без розовых очков.

Кемаль быстро вырос.

Изменилось и его отношение к матери.

Обида стерлась, а отчим оказался веселым и добрым человеком.

И он очень переживал, когда в начале девяностых годов от туберкулеза умерла родившаяся в 1889 году его маленькая сестренка Наклийе.

После примирения с матерью Кемаль все свои каникулы проводил в Салониках, где и познал свою первую любовь.

Ею оказалась дочь военного коменданта Салоник Шевки-паши Эмине.

Расстался с нею Кемаль только после поступления в Харбие.

– Если бы ты только знала, – глядя в грустные и полные любви глаза девушки, говорил он, – как мне тяжело расставаться с тобой! Но я клянусь тебе, что никогда не забуду тебя, и надеюсь на тебя!

И как вспоминала затем сама Эмине, Кемаль часто виделся с нею и даже хотел жениться на ней.

Да и сам Кемаль не забыл свою первую любовь и много лет спустя, слушая в своей президентской резиденции в Чанкайя песню «Моя Эмине», был тронут воспоминаниями юности.

Как-то с несказанной грустью он заметил, что в сердце каждого мужчины живет своя Эмине...

Правда, в другой раз он говорил о том, что его первой любовью была молодая гречанка из Салоник, которую он намеревался увезти с собой в Монастырь, и только его дядя Хуссейн-ага отговорил его от этой безумной затеи.

И надо ли говорить, как боялась за него уже познавшая властный характер сына мать.

Впрочем, она быстро успокоилась: несмотря на все свои увлечения, Кемаль не собирался жениться, и все его мысли были заняты военной карьерой.

Но главное в его отношении к женщинам проявилось уже тогда.

Ему нравилось вызывать у них восхищение и оказывать покровительство, но он совершенно не терпел от них ни требований, ни тем более нравочений.

Во время одного из отпусков он познакомился с дочерью брата отчима полковника Хюсаметтина Фикрие, в чьей судьбе ему было суждено сыграть столь трагическую роль.

Но куда более печальным было увлечение Кемалю посещать увеселительные заведения и под негромкую музыку потягивать вино, заедая его мезе, как называлась дешевая закуска.

Закончив пить, красивые девушки присаживались за столик к молодым людям, и те угощали их вином.

Ловя на себе их призывные взгляды, Кемаль ощущал, как его с головы до ног окатывала сладостная волна желания.

К счастью для него, посещения злчных заведений пока еще не сказывались на его успехах, и осенью 1898 года он блестяще сдал выпускные экзамены, став четвертым по успеваемости.

Это был настоящий успех, и счастливый Кемаль поспешил в Салоники, где его с нетерпением ожидали любящая мать и дружелюбно настроенный к нему отчим.

Устроенная ими встреча превзошла все его ожидания.

Мать, отчим, сестра ловили каждое произнесенное им слово и спешили исполнить любое его желание.

Тем не менее, Зюбейде-ханым продолжала видеть в нем все еще маленького мальчика и, даже не замечая, как каждый раз хмурился недовольный ее нравочениями Кемаль, постоянно делала ему замечания.

Не пожелав обострять отношения с матерью, он стал чаще уходить из дому.

– Есть два пути общения с родственниками, – говорил он, – либо вы полностью подчиняетесь им, либо не обращаете на них внимания. Я не хотел ни слушать мать, ни тем более ссориться с нею, дабы лишний раз не расстраивать ее. А потому и предпочитал проводить дома как можно меньше времени...

Матери не нравилось его постоянное отсутствие.

Но Кемаль жил уже своей жизнью, независимой ни от чьего желания.

– С ранних лет, – говорил он позже, – я не любил жить ни с матерью, ни с сестрой, ни с друзьями. Я всегда предпочитал быть одиноким и независимым...

Кемалю не сиделось дома, и вместе с верным Фуадом Будджой целыми днями пропадал в кафешантанах и ресторанчиках.

Глава III

Веселая жизнь не помешала ему успешно окончить лицей, и 13 марта 1899 года Кемаль поступил в Оттоманский военный колледж – высшее военное училище – Харбие.

Стамбул поразил Кемалья своим блеском и великолепием.

Как замороженный, бродил он по древнему городу.

Великолепные дома, старинные дворцы, роскошные виллы и магазины, элегантно одетые мужчины и красивые женщины, – все радовало глаз молодого человека и возбуждало воображение.

А сколько здесь было развлечений!

Кабачки, рестораны, кафешантаны с их веселой музыкой, блеском огней и никогда не бывающими грустными красивыми девушками.

Ему очень нравилось подниматься на знаменитую Галатскую башню и оттуда подолгу смотреть на распростертый внизу город и горевшее бирюзой и малахитом Мраморное море.

А чего стоил великолепный Босфор с утопающими в густой зелени роскошными виллами и дворцами.

В глубокой задумчивости бродил Кемаль по берегу, где каждое дерево и каждый камень были свидетелями многих исторических событий.

Да, в Стамбуле было от чего закружиться голове.

И она действительно кружилась у Кемалья от бившего со всех сторон великолепия.

Но стоило ему только оказаться в мусульманских районах города, как все его оживление исчезало.

И без того безрадостный пейзаж казался еще более унылым из-за совершенно одинаково одетых мужчин и прятавшихся за паранджой женщин.

Извечное противопоставление Востока и Запада здесь было явно не в пользу последнего, и Кемаль продолжал задаваться мучившим его еще в Салониках вопросом о том, почему же турки вынуждены жить какой-то совершенно другой жизнью, даже отдаленно не напоминая ту блестящую жизнь, какую он мог наблюдать в Пера.

Разве они хуже всех этих французов, англичан и немцев?

Разве не доказали они, славные потомки великого Эртогрула, свою силу и мощь на полях сражений?

Доказали, и не раз!

Тогда в чем же дело и кто виноват в той пропасти, которая разделяла, по сути дела, один и тот же город?

Это были трудные вопросы для молодого человека, и однажды в кафе, где Кемаль любил бывать, какой-то подвыпивший преподаватель истории весьма доходчиво объяснил ему, что вся беда была в капитуляциях и в ашаре.

Что такое капитуляции?

Своего рода «хартии», жалуемые могущественными турецкими султанами в пользу разрозненных и слабых европейских стран.

И первая из них, дарованная Западу самим Сулейманом Великолепным, выглядела скорее подачкой с барского стола.

А затем пошло-поехало!

И теперь в Османской империи процветал кто угодно, но только не ее коренное население.

Да и как можно было соперничать с иноземцами, не только свободными от османских законов, но освобожденными от налогов и таможенных пошлин?

Преподаватель сделал несколько больших глотков вина, и в следующую минуту Кемаль услышал небольшую лекцию по сельскому хозяйству.

Как он узнал, ашар взымался натурой при посредстве откупщиков, и до его уплаты крестьянин не имел права даже прикасаться к своему урожаю.

И хотя официально ашар составлял около двенадцати процентов от всего урожая, откупщики в результате всевозможных махинаций доводили его размер чуть ли не до половины.

Заплатив ашар и другие налоги, крестьянин оставался с одной третью своего урожая.

Да и тот чаще всего принадлежал ростовщику, и таким образом турецкое крестьянство постоянно было обречено на нищету.

И где уж там говорить о какой-то его заинтересованности в расширении своего убогого хозяйства и повышении производительности труда!

Преподаватель замолчал и, расстроенный нарисованной им печальной картиной, снова потянулся к вину.

Выпив, он с наслаждением закурил.

Выпустив огромный клуб дыма, на какие-то секунды закрывшего лицо, он горестно усмехнулся и сказал:

– И до тех пор, пока мы не...

Неожиданно для Кемалья он осекся на слове и, встав из-за стола, быстро пошел прочь.

За ним двинулся сидевший за соседним столом неприметный человек.

Кемаль грустно вздохнул.

Судя по всему, не в меру разговорившийся преподаватель прочитал свою последнюю в жизни лекцию...

Конечно, этот преподаватель истории мог бы рассказать внимательно слушавшему его молодому человеку куда более интересные и глубокие вещи.

Ведь дело было не только в действительно наносивших огромный вред турецкой экономике капитуляциях и ашаре.

Османская империя оказалась в стороне от мирового капиталистического развития, а значит, была обречена на отставание.

И даже если бы это было не так, весьма сложно представить себе, как ее правители обеспечили бы равное развитие всех ее частей.

Единственное, на что оказались способны ее правители, так это только затянуть агонию с помощью всевозможных реформ.

И они затянули ее.

Так потерпевшие кораблекрушение матросы в отчаянной надежде спастись цепляются за обломки своего совсем еще недавно красавца фрегата.

Но вот налетает девятый вал, и... все кончено.

Как и море, история не знает пощады...

Начались занятия, и Кемаль сразу почувствовал разницу между предыдущими школами. Дисциплина в Харбие царилась строжайшая, и нередко сержанты били нерадивых учеников.

Как и повсюду, в Харбие следили буквально за каждым шагом кадетов.

Газет молодым людям не давали, а книги разрешали читать только после тщательного отбора.

Большое внимание уделялось религии, алкоголь был строжайше запрещен.

Кемаль был назначен сержантом и, раз и навсегда уверовав в свои и на самом деле блестящие способности, презрева все запреты, с головой окунулся в веселую столичную жизнь.

Часто он засиживался за карточным столом и только под утро вспоминал, что надо спешить на занятия.

Но странное дело – бессонные ночи с вином и картами совершенно не сказывались на нем, и когда он появлялся на занятиях, то выглядел так, словно превосходно выспался.

Его выносливость изумляла многих, и там, где другие валились от усталости, Кемаль продолжал как ни в чем не бывало восседать за накрытым столом.

Чаще всего он делил компанию с Али Фетхи, Кязымом и Нури.

Обрел он новых друзей и в Стамбуле, и среди них выделялся уже тогда безоговорочно признававший его лидерство Мехмет Ариф.

Вместе со своим кумиром он пройдет славный путь борьбы за независимость, но потом их пути разойдутся с весьма трагическими для Арифа последствиями.

Другим приятелем Кемалья стал сын известного генерала Мехмета Эмина-паши Кязым Карабекир.

Но ближе всех он сошелся с Али Фуадом, красивым молодым человеком высокого роста с мягкими и изысканными манерами.

Он был внуком известного на всю страну маршала Мехмета Али-паши, а его отец Измаил Фазил-паша служил в Генеральном штабе.

Семья Али Фуада была достаточно влиятельной, чтобы заниматься политикой, и достаточно образованной, чтобы иметь собственные взгляды.

Именно эти взгляды и служили причиной весьма медленного продвижения по службе отца Али.

К великой радости Кемалья, его новый приятель не относился к рьяным поклонникам ислама, и они ударились во все тяжкие, проводя все свободное время в кафе и клубах, где покупали вино и закусывали его каштанами и мелким турецким горошком – леблеби.

А в тот самый день, когда они совершили путешествие по Мраморному морю на Принкипо – один из Принцевых островов, куда ссылались неугодные султанам принцы крови, Кемаль впервые попробовал греческую анисовую водку – раки.

Выпив первую рюмку Кемаль, изумленно взглянул на Али Фуада.

– Этот божественный напиток, – произнес он, – может сделать любого пьющего его поэтом!

И он был недалек от истины, поскольку именно в раки черпали свое вдохновение многие османские писатели и поэты.

С той поры «божественный напиток» прочно войдет в жизнь Кемалья и сыграет в ней трагическую роль.

Они часто бывали на островах.

Лунные ночи, близость моря, уже прочно вошедшая в их жизнь раки – все это действовало на молодых людей возбуждающе.

Они читали стихи и часами говорили о будущем страны.

И, надо отдать им должное, они не отделяли ее от своей.

– Несчастен человек, – скажет позже Кемаль, – видящий в собственном «я» единственную цель существования. Совершенно очевидно, что такой человек погибнет как индивидуум...

Очень нравился Кемалю и Алемдаг, живописная лесная местность на западном берегу Босфора, где он вместе с приятелем катался на лошадях и устраивал веселые пикники.

И все же главное для Кемалья в его знакомстве с Али Фуадом заключалось не в веселом и беззаботном времяпровождении и скитаниях по кафе.

Али Фуад ввел Кемалья в свой в высшей степени аристократический дом на берегу моря в Саладжеке, где тот мог видеть высших офицеров империи.

Общение с офицерской элитой заставило Кемалья взглянуть на себя совсем в ином свете.

На фоне блестящих столичных офицеров молодой курсант казался серым и неловким провинциалом.

Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы не постарался встать рядом с этими блестящими офицерами или хотя бы походить на них.

В своем желании стать таким же лощеным и непринужденным, он стал брать уроки танцев у прекрасно вальсировавшего Али Фуада и к окончанию Харбие уже не выглядел серым и неуклюжим увальнем среди блестящих посетителей дома приятеля.

Слушал ли он их весьма фривольные разговоры?

Да, конечно, слушал!

А однажды даже сам заговорил.

– Если все пойдет так, как сейчас, – сказал во время одной из бесед о судьбе старны приглашенный отцом Али Фуада в гости известный бригадный генерал, – то правительство падет, но я не думаю, что оно будет замещено правительством по западному образцу...

– Ваше превосходительство, – неожиданно для всех ответил ему Кемаль, – созданное по западному образцу правительство придет в свое время. Сегодня большинство возможностей нашей нации находится в дремлющем состоянии. Если в случае революции правящая верхушка будет стремиться, в первую очередь, сохранить свои функции, тогда следует признать, что вы правы. Среди нового поколения есть немало людей, достойных доверия...

После столь насколько неожиданного, настолько и смелого заявления в зале воцарилась тишина.

– Сын мой, – проникновенно произнес тронутый до глубины души генерал, – я вижу, что Исмаил Фазыл (отец Али Фуада) не ошибся в тебе. Теперь я согласен с ним...

Генерал помолчал и добавил:

– Не знаю, к счастью, или нет, – но ты не будешь вести обычную жизнь офицера Генерального штаба, как все мы. Твой блестящий ум и способности будут служить будущему страны. Я вижу в тебе одного из тех молодых людей, которые станут государственными деятелями. Да поможет Аллах, чтобы я оказался прав...

Аллах помог, и генерал оказался прав.

Тем не менее, политические взгляды Кемалья в те годы оставались еще весьма туманными.

Конечно, он был наслышан о деятельности турецких, болгарских и других революционных организаций в постоянно бурлившей Македонии, но вряд ли мог понимать тогда существовавшую связь между набиравшим все больший размах на его родине четничеством и султанским режимом.

А посему и расценивал волнения в Македонии лишь как результат слабости управлявших Османской империей чиновников.

Да и какие по большому счету у него могли быть в то время взгляды, если он даже толком не знал того, что творилось в его собственной стране.

Да и небезопасно было!

У всех перед глазами стоял печальный пример создавших в 1889 году тайное общество курсантов Военного медицинского училища, моментально отправленных султаном в ссылку.

Страх перед султаном и полнейшее отсутствие свобод делали свое дело, и до поры до времени будущим борцам за свободу оставалось только тайком читать опального Намыка Кемалья и восхищаться Великой французской революцией, перед свершениями которой Кемаль преклонялся всю жизнь.

Оно и понятно!

Ведь именно она дала мощный толчок к созданию французской победоносной армии и отождествлялась у молодых офицеров с маршальскими жезлами и славой Наполеона.

Но если Франция только подогревала воображение молодых офицеров, то Пруссия вызывала восхищение.

И неудивительно!

Ведь им преподавали такие известные специалисты военного дела, как прославившийся своим реформаторским отношением к учебе барон фон дер Гольц и прошедшие стажировку в Германии полковники Эсат и Хасан Риза.

– Запомните, – постоянно вдалбливал курсантам Риза, – сила немецкой армии – в абсолютной дисциплине!

Кемаль учился с охотой, но частые посещения значных мест сделали свое дело, и после первого курса он оказался по успеваемости только на... двадцать седьмом месте.

И, как не нравилось будущему офицеру бывать в кафе с их непринужденной обстановкой и ласковыми танцовщицами, ему пришлось на время забыть о них.

Самолюбие человека, который везде и всегда стремился быть первым, было задето самым жесточайшим образом, и ему не оставалось ничего другого, как только засучить рукава и приняться за учебу.

На следующий год он был уже одиннадцатым и окончил Харбие восьмым.

Слишком много было потеряно, да и выйти на первые места оказалось не так-то легко.

В Харбие учились способные ребята, и далеко не случайно один из будущих лидеров войны за Независимость Кязым Карабекир получил кличку Смышленный.

Вместе с долгожданным офицерским званием Кемаль в 1902 году получил направление в классы Генерального штаба.

Вместе с ним его радость разделяли и мать с отчимом, и надо ли говорить, какая гордость светилась в глазах Зюбейде-ханым, когда она шла с одетым в красивую офицерскую форму сыном по своему кварталу.

Да и соседи были восхищены успехами совсем еще недавно мучившего ее своими капризами мальчишки, словно по мановению волшебной палочки превратившегося в стройного и красивого офицера с блестящим, как теперь все понимали, будущим.

И теперь каждый считал своим долгом пригласить Кемалья к себе или оказать ему какую-нибудь услугу.

Конечно, он был польщен и тем не менее делал вид, что не замечает ни почтения взрослых, ни восхищенных взглядов мальчишек и девчонок, ни великой радости в глазах матери.

А та не только окончательно смирилась с выбранной сыном профессией, но и серьезно полагала, что сам Аллах подтолкнул его на этот путь.

Да и как иначе объяснить его успехи?

Способности, конечно, способностями, но ведь все, что ни делается на земле, делается по воле Всевышнего.

Жалко, конечно, что отец не дожил до этого счастливого дня, ну да... ничего не поделаешь, видно, и на то была воля Аллаха...

Глава IV

И все же пребывание в этих самых классах оказалось для него далеко не таким безмятежным, каким оно представлялось ему в родительском доме.

Едва он приступил к занятиям, как вся империя была взволнована делом приговоренного военным судом к пожизненному заключению маршала Фуад-паши.

Старый вояка никогда не плел интриг и не оказывал никакого вооруженного сопротивления полиции.

Вся вина прозванного за бесстрашие и независимое поведение «неистовым пашой» маршала заключалась только в том, что он был порядочным и независимым человеком.

И мало кто сомневался в том, что таким образом власть пыталась запугать непокорное офицерство.

Офицерам запретили посещать кофейные, а чиновникам бывать без разрешения их начальников на свадьбах и праздниках и ходить друг к другу в гости.

Не обошли запреты и министров, которым было строжайше запрещено собираться вне султанского дворца.

Конечно, все эти озадачившие многих молодых офицеров события наводили Кемаля на определенные размышления, и он все больше убеждался в том, что в их стране что-то не так.

Он стал еще больше читать, благо что в классах можно было достать практически любую запрещенную цензурой литературу.

Поначалу он читал все подряд: от бульварных романов до «Духа законов» Шарля Монтескье и социологических трактатов Джона Милля, но постепенно стал отдавать предпочтение истории.

Особенно военной.

С огромным интересом изучал он жизнеописания выдающихся полководцев, среди которых сразу же стал выделять Наполеона.

Не ослабевал его интерес и к современной турецкой литературе, и наряду с Намыком Кемалем его все больше привлекал выходивший на вершину своего таланта Тевфик Фикрет.

Только с большой долей условности можно говорить о том, почему человек выбрал тот или иной путь.

Но как показывает жизнь, чаще всего подобное происходит под влиянием какого-то внешнего события.

И как утверждали хорошо знавшие Кемаля люди, для него такими событиями стали восстание в Македонии летом 1903 года и массовая гибель османских солдат и офицеров в Йемене.

Бесцеремонное вмешательство иностранных государств во внутренние дела его родины и массовая гибель его братьев по оружию произвели на Кемаля удручающее впечатление и заставили задуматься о многом.

Подлил масла в огонь и сам Абдул-Хамид.

И дело было уже не в каких-то там демократических и просветительских идеях, а в том самом презренном металле, за который гибли люди на протяжении всей своей истории.

И когда султан в своей попытке уравновесить бюджет значительно сократил чиновничье и офицерское жалованье, он сразу же оттолкнул от себя многих выпускников высших учебных заведений, вынужденных перебиваться от зарплат до зарплат.

Офицеры на все лады проклинали высших чиновников, по чьей, как им, во всяком случае, казалось, вине армия влачила самое незавидное существование.

Да и что еще могли чувствовать люди, неспособные прокормить свои семьи и водившие детей и жен в солдатские столовые!

И все же во многом обострение обстановки в империи было связано с появлением на ее политической сцене младотурок, как стали называть вторую волну турецких революционеров.

Созданный ими в 1889 году в Стамбуле тайный политический комитет «Единение и прогресс» выступал за восстановление конституции, проведение буржуазных реформ и замену Абдул-Хамида на «более прогрессивного» султана.

Вскоре почти все члены комитета были арестованы и... выпущены, поскольку даже Абдул Хамид не решился накалять и без того напряженную обстановку в военных училищах.

Стараниями главного идеолога движения Ахмеда Ризы «Единение и прогресс» был восстановлен, и уже летом 1896 года его члены попытались произвести государственный переворот.

Ничего из этого не вышло, и многие из них были арестованы.

Их лидеры бежали за границу, и младотурецкие организации стали возникать во многих крупных городах Европы и даже в Египте.

В начале февраля 1902 года в Париже состоялся первый конгресс младотурок, среди которых были турки, армяне, греки, арабы, албанцы, черкесы, курды и евреи.

В центре внимания стояли два наиболее важных вопроса: о привлечении к участию в движении армии и о возможности использования вмешательства иностранных государств для обеспечения конституционных реформ в Турции.

Сразу же разгорелась жаркая дискуссия, ни о каком единстве взглядов не могло быть и речи, и после конгресса политическая активность расколовшихся на два лагеря младотурок начала снижаться.

Иначе и быть не могло.

Суровые репрессии внутри страны и оторванность неспособной оказывать хоть какое-то заметное влияние на события в стране политической эмиграции сыграли свою роль.

Кемаль не пожелал оставаться в стороне от охвативших страну революционных настроений и создал тайное общество «Родина».

Чтобы лучше понять, какой опасности он подвергался, достаточно еще раз вспомнить о тех «застывших от страха» улицах и всех тех, кто заплатил за свои либеральные убеждения свободой, а зачастую и самой жизнью.

Тем не менее, Кемаль продолжал свои игры с огнем и стал выпускать бюллетень, в котором со свойственным молодости радикализмом обличал окружавшую их жизнь.

– Мы, – говорил позже Кемаль, – уже начинали понимать, что имеются пороки в управлении страны. Нас охватило страстное желание поведать о нашем открытии, и мы создали рукописную газету. На нашем курсе существовала маленькая организация. Я входил в состав ее руководства и написал большую часть статей для нее...

Его «революционная деятельность» могла закончиться самым печальным образом уже в самом начале, когда в комнату, где Кемаль с двумя приятелями готовил очередной номер газеты, неожиданно вошел начальник классов Риза-паша.

Однако он ограничился лишь отеческим внушением, подвергая тем самым страшной опасности и себя самого: кого-кого, а султанских шпионов хватало и в вверенных ему классах.

Безнаказанно прошла для Кемалья и его весьма опасная по тем глухим временам просьба к преподавателю по тактике прочитать несколько лекций о методах ведения «герильи», как тогда называли партизанскую войну, которую вот уже столько лет вели против империи болгарские и македонские повстанцы.

Однако тот не только не донес на него, но и посвятил несколько занятий по подготовленному Кемалем плану гипотетических военных действий против партизанских отрядов, нападавших на столицу из Анатолии.

Модная по тем временам революционная настроенность Кемалья, его начитанность, прекрасные знания и склонность к абстрактному мышлению, которую он так блестяще демонстрировал на занятиях по тактике, выделяли его среди остальных учащихся.

Он пользовался на курсах заслуженным уважением у своих однокашников и преподавателей академии.

В то же время в его характере явно просматривались черты, которые вызывали вполне понятную неприязнь к нему.

Он не терпел чужих мнений и замечаний, всегда стоял на своем, а неспособные быстро схватывать суть явлений вызывали у него раздражение и даже гнев.

Все ярче стало проявляться и его желание быть всегда и везде только первым.

Напряженная учеба, издание газеты, руководство «Родиной» и ночные прогулки не проходили даром, и Кемаль постоянно находился в возбужденном состоянии.

– Во время учебы в классах Генерального штаба, – много лет спустя скажет он своей приемной дочери и верной спутнице последних лет жизни Афет Инан, – мое внутреннее «я» испытывало душевную тревогу. Я постоянно ощущал в себе столкновение чувств, смысл и сущность которых еще не всегда мог понять и которым не мог придать ни положительного, ни отрицательного значения...

Измученный бесконечными мыслями, он почти перестал спать и только под утро впадал в забытие.

– Просыпался я совершенно разбитым, – вспоминал он. – Товарищи, с которыми встречаюсь в классе, гораздо живее меня...

Каково было его отношение к главному виновнику всех бед империи – султану, о котором он в своей газете, несмотря на беспощадную критику высших чиновников, не написал ни слова?

Как это ни странно, снисходительное!

По всей видимости, и Кемаль, и его приятели все еще верили в расхожую у многих народов сказку о «хорошем царе и плохих министрах».

Другое дело, что эта самая вера в хорошего султана слабла у него с каждым днем, и со временем он превратится в глазах Кемалья из этакого обманутого нехорошими министрами владыки в одного из истинных виновников ослабления государства.

Если же он иногда и критиковал Абдул-Хамида, то его выпады носили личностный характер, и до отрицания султаната как политической системы ему было еще далеко.

В последний год пребывания в классах с Кемалем приключилась весьма интересная история.

В один прекрасный вечер он вместе с Али Фуадом отправился в давно облюбованное ими кафе и, усевшись за столик, попросил подать виски в бокалах для лимонада.

И можно только представить себе их изумление, когда в кафе появился директор Харбие вместе... с главным шпионом султана Фетхим-пашой и его помощником полковником Гани.

Фетхим-паша попробовал поданный молодым людям «лимоннад» и, по достоинству оценив его... пригласил Кемалья и его спутника поужинать с ним в ресторане.

В казарму они вернулись поздно и явно навеселе.

Но когда дежурный офицер узнал, с кем «веселились» его подчиненные, у него сразу же отпала всяческая охота поднимать шум.

О чем Фетхим-паша беседовал в тот памятный вечер с двумя подозрительными молодыми людьми, так навсегда и осталось тайной.

Ни Али Фуад, ни сам Кемаль никогда не рассказывали о той встрече.

Глава V

В январе 1905 года Кемаль получил звание капитана.

С учебкой было покончено, и начиналась новая жизнь – жизнь солдата.

И можно понять охватившее новоиспеченного капитана чувство гордости, когда он облачился в парадную форму офицера Генерального штаба с золотыми эполетами, капитанскими знаками различия на расшитом блестящими галунами высоком воротнике и витыми аксельбантами.

Но, увы, радовался он рано.

Вместе с Али Фуадом его выдал секретный агент Измаил-паши, и, обвиненный в издании подпольной газеты и создании тайной организации, он оказался в тюремной камере.

О многом передумал Кемаль в долгие часы своего заточения.

И только здесь, в тюремной камере, до Кемалья в полной мере дошло то, что, по сути дела, именно так и жили миллионы турок, даже если они и не находились за толстыми тюремными стенами.

Кемаль не был трусливым человеком, но порою ему становилось не по себе.

Да и кто он для облеченного огромной властью Абдул-Хамида?

Так, самая что ни на есть обыкновенная мошка, которую тому ничего не стоит прихлопнуть!

Но не напрасно молила Зюбейде-ханум Всевышнего, услышал тот ее страстные мольбы, и Кемалья выпустили из тюрьмы.

Правда, перед самой «амнистией» он прошел через новое унижение, представ перед самим Измаилом Хаккы-пашой.

Когда Кемалья ввели в комнату, генерал кивком отпустил конвойных и сквозь линзы своих очков в золотой оправе уставился на Кемалья с таким зловещим видом, словно собирался расстрелять его в собственном кабинете.

И расстрелял бы!

Ведь именно в таких типах, как этот Кемаль, он видел вызов всему тому, что было ему так дорого.

Даже не пытаясь скрыть неприязни к молодому человеку, он долго и нудно говорил о том, что великий и мудрый султан сделал все, чтобы он получил прекрасное образование и высокий офицерский чин, а он отплатил своему благодетелю черной неблагодарностью.

И уж кому-кому, а ему, молодому и способному, следовало бы направить все свои помыслы на служение султану и империи, а не на расшатывание ее устоев.

Зачем ему, будущему руководителю турецкой армии, нужны какие-то подозрительные газетенки и стишки давно просившихся на виселицу рифмоплетов, не говоря уже о крамольных речах в присутствии еще не окрепших умов, склонных в силу своей легкомысленности к смуте и неповиновению?

Да и личная жизнь молодого офицера не вызывала у инспектора особого восторга, и на протяжении своей нудной речи он несколько раз упомянул о ресторанах и кафе, в которых так любил бывать Кемаль.

Чего он вообще хочет?

Навсегда похоронить себя в той камере, откуда его только что привели?

Если так, то ему можно пойти навстречу!

Выдержав долгую паузу, Измаил-паша проскрипел, что его величество так бы, наверное, и сделал, если бы Кемаль не был так молод.

И на этот раз он прощает его.

Конечно, у султана были совсем другие виды на его будущее, ему нужны способные люди, но он сам испортил себе карьеру, и теперь, вместо ожидавшей его Македонии, он отправится в Сирию.

Однако во второй раз, зловеще блеснул золотой оправой инспектор, ни на какое снисхождение он пусть не рассчитывает.

И если до его величества дойдет хотя бы малейший слух о его вольнодумии, он сразу же вернется в знакомую ему камеру.

И на этот раз навсегда.

С непроницаемым лицом слушал Кемаль разглагольствования этого чиновника от армии, который еще больше убедил его в том, что именно такие люди и довели некогда могучую и непобедимую империю до того жалкого состояния, в каком она пребывала сейчас.

И чем больше говорил этот человек, тем больше он не нравился Кемалю.

Измаил Хаккы-паша являл собою ярчайший образец тех бюрократов, которых так ненавидел всю свою жизнь Мустафа Кемаль.

И даже голос у него был под стать внешности: неприятный и скрипучий, словно он не говорил, а открывал и закрывал несмазанную и плохо подогнанную дверь.

Услышав о своей ссылке и так и не проронив ни слова, Кемаль щелкнул каблуками и поспешил к Али Фуаду, у которого вместе с Мюфидом Оздешем и отвел душу за бутылкой виски.

На следующий день друзья отправились на австрийском судне в Бейрут, и основательно подогретый виски Кемаль долго не уходил с палубы.

Да, что там говорить, первые шаги в его капитанской жизни особого оптимизма не вызывали.

– Они оказались, – заметит он позже, – шагами не в жизнь, а в тюрьму...

Что ждало его в Сирии?

Служба в каком-нибудь захолустном гарнизоне или настоящая армейская школа, так необходимая каждому молодому офицеру?

А потом?

Очередное звание, если его, конечно, ему дадут, и новый гарнизон?

И неужели он, испугавшись этого брюзгу в позолоченных очках, больше не будет заниматься еще больше манившей его к себе политикой, которая, как он убедился на собственном опыте, была далеко не игрой, а серьезным и крайне опасным делом?

Кемаль поморщился.

Ну, нет!

И ему надо не бояться всех этих султанских пристяжных, а бороться с ними, чего бы это ему ни стоило.

Бросать политику он не собирался, поскольку только она возводила людей на совершенно иной уровень.

Да и кто бы сейчас помнил того же Наполеона, если бы он так и остался пусть и прославленным, но всего-навсего полководцем?

Конечно, с Наполеоном он себя пока еще не сравнивал, но и в своем высоком предназначении не сомневался...

Глава VI

Встретивший молодых офицеров в Бейруте майор многозначительно улыбнулся:

– Если останетесь здесь, не пожалееете!

И он знал, что говорил.

Столица получившего автономию Ливана представляла собою процветающий город, с прекрасными отелями и нарядными улицами и площадями.

Хватало в нем ресторанов и зланных мест, но особой популярностью у служивших здесь османских офицеров пользовались немецкие пивные.

Однако в Бейруте остался один Али Фуад, хорошо знавший сына командующего Пятой армией, а сам Кемаль отправился в расквартированный в Дамаске Тридцатый кавалерийский полк.

Очень скоро он по достоинству оценил иезуитство сославшего его на позабытые богом и людьми задворки империи чиновника.

Да и сама служба вызвала у молодого капитана крайнее недоумение, очень скоро сменившееся брезгливостью.

Под высоко поднятым знаменем борьбы за целостность империи его полк попросту грабил племена друзов, якобы посягавших на эту самую целостность.

Однако пока еще верившего в сказки о бунтовавших племенах Кемаля до участия в «боевых операциях» не допускали.

Порядочный и принципиальный капитан не внушал доверия главным мародерам, и они весьма справедливо опасались ненужного им шума.

Первые подозрения относительно этих таинственных «боевых операций» появились у Кемаля после одного из обедов у командира полка.

Увидев ломившийся от кушаний стол, он заявил, что не сможет расплатиться за них.

Ответом ему послужили дружные раскаты хохота, и Кемаль понял, что все эти деликатесы отобраны у арабов.

Брезгливо поморщившись, он покинул собрание.

Однако окончательное прозрение наступило все же после того, как Кемаль сам побывал на очередном «усмирении бунтовщиков».

А когда адъютант командира полка принес ему его «долю», Кемаль вспылал не на шутку и выгнал удивленного его странным поведением офицера.

Привыкшему к кругу образованных столичных офицеров, ему было трудно понять годами живших в глуши провинциалов.

Кемаль попытался разобраться с мародерами, но все его возмущенные речи так и остались гласом вопиющего в пустыне.

Его окружала глухая стена непонимания, и он с ужасом видел то, во что превратили армию все эти измаил-паши.

Честь офицера, желание послужить отечеству, стремление воспитать настоящих солдат – ничего этого не было и в помине.

Вместо этих святых для каждого настоящего офицера понятий в армии процветали интриги, взяточничество и склоки.

Но когда он решил «просветить» военное министерство и подготовил очередной отчет об «успешно проведенной операции», жандармский подполковник изумленно взглянул на него.

– Да как же можно посылать в столицу этот бред? – с нескрываемой насмешкой спросил он. – Вы совершенно не понимаете того, что нужно султану!

– Возможно, – холодно ответил Кемаль, – зато я уверен в том, что султан обязан знать, какие люди служат ему!

Недоуменно пожав плечами, жандарм посоветовал составить новый отчет, и Кемаль с нескрываемой брезгливостью ответил, что подобных документов составлять не будет, поскольку это не соответствует его пониманию офицерской чести.

Конечно, ничего нового Кемаль в Сирии не узнал, коррупция давно процветала пышным цветом по всей Османской империи.

Но одно дело – обличать ее в студенческих газетках и совсем другое – столкнуться с нею лицом к лицу!

Недвусмысленное замечание жандарма несколько не поколебало его решимости бороться с набивавшими себе карманы чиновниками.

И кто знает, может быть, именно тогда Кемаль осознал, что для возрождения и процветания любой страны в ней надо установить тот самый железный порядок, при котором чиновники перестанут врать и воровать.

Но то, что безрадостная армейская действительность заставила его задуматься над тем, что же все-таки происходит в стране, несомненно.

В учебных классах Генерального штаба и на пропитанных духом юношеской романтики революционных сходках все выглядело гораздо безобидней.

И всем им, таким, в сущности, наивным, казалось, что стоит только захотеть, как все устроится само собою.

Ничего подобного!

И в этом затерянном на задворках империи гарнизоне, где его окружали не начитавшиеся Намыка Кемалья юноши, а потянувшие лямку гарнизонные офицеры, все выглядело совсем иначе.

Да, многие из его сослуживцев были еще молодыми, но жаркий ветер пустыни давно уже высушил в их душах остатки романтизма, и на жизнь они взирали совсем другими глазами, нежели пришедший к ним из совершенно другого измерения Кемаль.

Он начал чрезмерно увлекаться спиртным, стал еще более раздражительным и однажды выложил все, что думал, полковому командиру.

К его удивлению, тот не подумал возражать и поговорил с ним, что называется, по душам.

Да, во многом Кемаль прав!

Но что делать?

Такова была их жизнь, ему тоже не нравилось разложение армии, но стоит ему запретить грабить арабов, как он получит пулю в спину.

Да и что он мог посоветовать офицерам, месяцами не получавшим жалованье?

Бунтовать?

Нет, это не его путь, он уже не так молод и должен растить детей.

Да и есть ли в этом смысл?

Ведь и сам Кемаль уже познал всю бессмысленность брошенного им вызова.

Служил бы себе припеваючи в своих распрекрасных Салониках, так нет, полез в политику.

Вот и сиди теперь в этих проклятых песках.

И сказать по правде, он еще хорошо отделался.

Сколько их, таких вот мятежных, рассталось с жизнями за куда более мелкие прегрешения.

Впрочем, он может сам поговорить на эту тему с державшим в Дамаске лавку бывшим студентом, сосланным в Сирию за участие в каких-то там бунтах.

Кемаль так и сделал и отправился к Мустафе Джантекину, как звали бунтовщика.

Один из создателей тайной организации в Военной медицинской школе, он был исключен из нее, затем арестован и в конце концов сослан в Дамаск.

Что же касается желания служить делу общего прогресса, то его у бывшего студента ничуть не убавилось, и он создал тайную организацию «Родина».

Восхищенные смелостью потрясателя государственных основ Кемаль и Мюфид тут же стали членами этой организации и предложили назвать ее «Родина и свобода».

Впервые за последние месяцы Кемаль почувствовал прилив сил, он напрашивался в командировки, знакомился с нужными людьми и за короткое время создал несколько филиалов своей организации.

На тайных собраниях они много и горячо говорили о восстановлении конституции и создании правительства, способного обратить внимание на нужды всем им дорогой армии и других государственных институтов.

Но куда важнее для самого Кемалья были все же не его пафосные речи, а происходившие в его взглядах перемены.

И в один прекрасный день он вдруг с поразившей его ясностью осознал ту простую истину, что не было на свете никаких «равных друг другу османов», а были турки, арабы и представители других национальностей.

Именно в Сирии, по словам Али Фуада, Кемаль впервые заговорил о турецком национализме, и случилось это так.

Как-то на сержанта, выведенного из себя тупостью арабского новобранца, набросился наблюдавший за обучением турецкий офицер.

– Этот араб, – на весь плац кричал он, – принадлежит к великой нации, давшей миру Пророка, и ты недостойн даже мыть его ноги!

Оказавшийся рядом Кемаль не выдержал.

– Да как вы смеете утверждать подобное? – обрушился он в свою очередь на недоуменно взиравшего на него офицера. – И если вы забыли, что мы с этим самым сержантом принадлежим к не менее великой нации, то я вам напомню об этом!

В другой раз он потребовал отдать под суд турецкого сержанта, зверски избившего несообразительного араба.

– Во мне, – говорил он, – возмущилась совесть турка, именно турка, а не османа или вообще мусульманина!

По всей видимости, он уже тогда начинал осознавать не только всю иллюзорность османизма, но и разлагавшего самих османов права угнетать другие народы.

Но взгляды взглядами, а деятельная натура Кемалья требовала дела.

А его-то как раз и не было!

Да, он создал тайное общество и красиво говорил на тайных сходках, но ничего так и не изменилось в их жизни.

И говорить о какой-то революционной работе в Сирии было в высшей степени бессмысленно.

Да и на что могла рассчитывать, по сути дела, небольшая горстка романтиков в совершенно чужой им стране?

Снова начались бессонные ночи в убогой комнатухе.

Кемаль похудел, осунулся, стал еще более раздражительным, почти перестал спать и много пил.

Когда ему становилось совсем плохо, он шел к строившим железную дорогу итальянским рабочим и до утра пил с ними под сладкий лепет мандолин вино.

И однажды, когда он, куря одну сигарету за другой, беспокойно ворочался на кровати, ему в голову пришла шальная мысль.

А что, если... уехать в Салоники?

Судя по слухам, в Македонии начинались серьезные дела, его там, как он, во всяком случае, думал, ждали, а один весьма влиятельный в империи паша обещал ему помощь.

Рискованно?

Да, очень!

Он вдруг словно воочию увидел холодный блеск позолоченных очков Измаил-паши и его надменный взгляд.

Этот шутить не будет.

Ну и пусть не шутит!

Поймают?

Что ж, значит, ему снова не повезло, но и сидеть, сложа руки, у него больше не было сил.

Оказавшись в очередной командировке в Яффе, Кемаль нашел чужое отпускное удостоверение и... в тот же день поднялся на борт уходившего в Стамбул парохода.

Его отсутствие в гарнизоне прикрывали друзья, и по-настоящему он начал беспокоиться только перед прибытием в Салоники.

Но и здесь ему повезло, и он чудом избежал полицейской проверки.

Едва ступив на родную землю, он поспешил к обещавшему ему свое покровительство генералу Шюкрю.

Увидев перед собою опального офицера, генерал сразу позабыл о данных им обещаниях.

– Я, – с генеральской прямоотой заявил он, – ничего не могу сделать для вас и прошу меня больше не беспокоить!

Отказ генерала осложнил его положение.

С помощью друзей Кемаль сумел-таки получить столь необходимое ему медицинское свидетельство его отпуска по болезни и сразу же взялся за дело.

Собрав старых друзей, он объявил им о создании в Салониках филиала «Родины и свободы».

Таинство посвящения в его члены происходило на квартире Хаккы Баха, которого Мустафа до сих пор знал только понаслышке.

Но когда он увидел этого патриота в его достойных паши великолепных апартаментах, его несколько удивила не только их роскошная обстановка, но и сам представший перед пришедшими в японском кимоно и с флейтой в руках хозяин.

Выпив по чашечке кофе, заговорщики приступили к торжественной церемонии.

Кемаль произнес напыщенную речь о стоящих перед ними задачах, затем Хюсрев Сами вынул из кобуры браунинг, и шестеро карбонариев поклялись на «отныне священном» пистолете в верности революции.

Правда, дальше присяги дело так и не пошло.

Какой-то «благодетель» донес о появлении в Салониках опального капитана, и опасавшийся ареста Кемаль поспешил на Синайский полуостров, где в то время находилась его часть в связи с англо-турецким конфликтом из-за Анабы.

До вооруженного выступления дело так и не дошло, и Кемаль отправился в штаб Пятой армии.

Стажировка подходила к концу, и, очень опасаясь того, что его могут оставить в Сирии, Кемаль попросил Али Фуада подыскать ему с помощью отца хорошее место...

Книга вторая В ТЕНИ ЭНВЕРА

*Свобода и независимость характеризуют мой характер
Мустафа Кемаль Ататюрк*

Глава I

И тот нашел ему таковое в штабе командующего расквартированной в Салониках Третьей армии маршала Хайри-паши.

Кемаль был на седьмом небе.

Наконец-то сбылась его мечта, и он сможет развернуться по-настоящему.

Но не тут-то было.

Никто в Салониках не проявил особой радости по поводу его появления, и даже товарищи по «партии» встретили своего лидера без особого энтузиазма.

Вместо подробного доклада о проделанной работе, они с величайшими предосторожностями отвели его на конспиративную квартиру, и там удивленный всем происходящим Кемаль... снова вступил, как ему, во всяком случае, казалось, в «Родину и свободу».

Правда, на этот раз не было ни флейты, ни кимоно и церемония вступления почему-то сопровождалась масонским ритуалом.

После того, как ему завязали глаза и обрядили в красную рубаху, Кемаль предстал перед тремя незнакомцами в масках и принес на револьвере и Коране клятву на верность революции.

Несказанно удивленный всем увиденным, он потребовал объяснений.

Ему сказали, с «Родиной и свободой» давно покончено и сегодня он, как и все его боевые соратники, стал членом другого, куда более мощного подпольного комитета «Единение и прогресс», возглавившего борьбу за восстановление конституционного режима и проведение буржуазных реформ.

Выслушавший эти откровения с непроницаемым лицом Кемаль с трудом скрыл охватившие его разочарование и гнев.

Все его сокровенные мечты пошли прахом, а его «боевые соратники» просто-напросто предали его и работали с совершенно неизвестными ему людьми.

И даже не зная их, Кемаль сразу почувствовал сильнейшую антипатию к ним.

Он приехал руководить, а ему предлагали второстепенные роли.

И снова начались бессонные ночи с раки, кофе и сигаретами и бесконечные размышления над тем, что же ему теперь делать.

Впрочем, особого выбора у него не было, и ему оставалось либо смирить свою гордыню и, примкнув к «Единению и прогрессу», пробиться на младотурецкий олимп, либо наступить на горло собственной песне и так и остаться рядовым «подносчиком снарядов»

Он выбрал первое.

Но, увы, принцип «Умри, но завой!» здесь уже не работал.

И дело было даже не в его уже намечавшихся расхождениях с лидерами комитета.

Сосланный в Сирию Кемаль оказался отрезанным от назревавшей революции, он опоздал занять свое место, и она нашла других лидеров.

Как и природа, революции не терпели пустоты.

Конечно, все это было совершенно неожиданно для него, поскольку он не имел никакого представления о тех событиях в Османской империи, во многих из которых была повинна отгремевшая на всю Европу первая русская революция 1905 года.

Страна бурлила, бастовали торговцы и жандармы, и все выше поднимали голову замученные ашаром и ростовщиками крестьяне.

В начале 1906 года в Эрзуруме была создана первая в Анатолии буржуазно-революционная организация «Джан верир» («Жертвующий собой»), и ее члены действительно были готовы на все!

Не остались в стороне от нового революционного подъема и младотурки.

На состоявшемся в 1907 году в Париже съезде они приняли постановление о вооруженном восстании, практическую подготовку которого взял на себя салоникский комитет «Единение и прогресс».

Комитет сразу же приступил к усиленной вербовке в свои и без того постоянно растущие ряды офицеров расквартированной в Македонии Третьей армии.

Решительное выступление лидеры младотурок наметили на конец августа 1909 года.

Именно таким достойным образом они намеревались отметить тридцать третью годовщину восшествия Абдул Хамида II на престол.

И как это было ни прискорбно для Кемалю, но именно в его отсутствие Македония превратилась в центр революционного движения, и ему уже нечего было создавать в ней и нечем руководить!

Все руководящие роли были давно распределены, никто не пожелал делиться с ним завоеванным, и, как только он попытался качать права, ему сразу же указали на его место!

Конечно, он был расстроен.

Подумать только!

Рожденный для великих свершений, он был вынужден подчиняться!

И кому?

Какому-то почтовому служащему Талаату и преподавателю математики Митхату Шюкрю!

Впрочем, входившим в руководство «Единения и прогресса» и хорошо ему знакомым майорам Энверу и Джемалю он подчиняться тоже не хотел.

Разочарованный и обиженный, он принялся к месту, а чаще всего и без всякого повода критиковать обошедших его людей.

Но особенно бесило его то восхищение, которое демонстрировали в те дни рядовые члены движения к своим лидерам.

Особенно они преклонялись перед совершенно бездарным Джемалем, и всякий раз, когда кто-нибудь начинал петь дифирамбы этому «великому человеку», Кемалю передергивало.

Да и как можно было восхвалять это ничтожество, недоумевал он, поражаясь слепоте окружавших его людей, когда рядом находился он, стоявший на несколько голов выше и Джемалю, и Талаату, и Энверу, вместе взятых?

И был не прав!

Гениальными этих людей назвать было сложно, но определенными дарованиями они обладали.

Талаат являлся блестящим организатором и тактиком,

Энвер был энергичен, смел и решителен, а Джемаль отличался потрясающим хладнокровием и беспощадностью к врагам.

Но уязвленному самолюбию Кемалю не было никакого дела до их способностей, и он видел в них лишь сумевших опередить его выскочек.

Несмотря на все свои разочарования и обиды, Кемаль уже не был тем романтически настроенным молодым человеком, каким уезжал в Сирию.

Именно поэтому он и не подумал разрывать отношения с «серым» Джемалем, видя в нем не только покровителя, но и потенциального союзника.

А вот другим лидерам движения он выдавал по полной программе.

Конечно, ничего хорошего в огульной критике обошедших его людей не было, и все же понять Кемалья было можно.

С самого начала своей революционной деятельности он думал не только о своих амбициях, но и о судьбах страны.

Проникнутый страстной верой в прекрасное будущее, он много и красиво говорил о самопожертвовании и желании драться за свободу.

Его страстные проповеди производили впечатление, и у него появилось собственное окружение, готовое слушать его в любое время и по любому поводу.

Что-что, а поговорить Кемаль любил, и, распаясь, он все чаще вел себя так, словно был не скромным работником штаба Третьей армии, а по крайней мере претендентом на престол!

И в один прекрасный вечер он договорился до того, что стал раздавать своим слушателям государственные посты в предполагаемом им правительстве и место премьера обещал близкому к нему Нури.

– А кем будешь ты? – улыбнулся тот.

– Человеком, который назначает премьер-министров! – ответил Кемаль.

Пройдут годы, и Нури спросит президента, помнит ли он ту беседу.

– Помню, – пристально взглянет на него Кемаль, – как помню и то, что ты мне тогда не поверил!

Смущенный Нури только виновато разведет руками...

Слышали ли его критику лидеры «Единения и прогресса»?

Да, конечно, слышали, но особого внимания на нее не обращали.

Да и зачем?

Они сами выступали за свободу и не собирались лишать права на нее другого человека.

Во всяком случае, пока!

После того, как получивший звание майора Кемаль был назначен военным инспектором линии Салоники-Монастыр, лидеры «Единения и прогресса» доверили ему осуществление связи между своим штабом и расположенными на этой ветке филиалами.

Возможно, это и на самом деле было очень важно, однако сам Кемаль не испытывал ни малейшего восторга от такого доверия к себе.

Да и какой там мог быть еще восторг, если его, как ему, во всяком случае, казалось, намеренно удаляли от главных событий!

А они действительно приближались, и после того, как весной 1908 года Австро-Венгрия получила концессию на строительство железной дороги к Салоникам, а Россия и Англия намеревались ввести в Македонию десятитысячную армию, младотуркам не оставалось ничего другого, как только сыграть на опережение.

Глава II

3 июля комендант гарнизона небольшого македонского городка Ресна майор Ахмед Ниязи-бей ушел со своей знаменитой четой в горы и оттуда прислал отчаянное письмо султану, полное угроз и оскорблений.

Вслед за ним в горы ушла и другая чета во главе с Энвером, и уже очень скоро восстанием была охвачена почти вся европейская часть султанских владений.

После того как Энвер заявил на всю страну о начале революции, Кемаль только презрительно усмехнулся.

– Это авантюра сумасшедших, – небрежно бросил он окружавшим его офицерам. – Через сорок восемь часов о ней все забудут!

И можно только представить себе его разочарование, когда через отмеренные им на революцию сорок восемь часов она приняла еще более широкий размах.

Отряды Ниязи и Энвера росли с каждым днем, но им так и не пришлось ни с кем сражаться, поскольку посланные на их усмирение воинские части и не собирались воевать.

23 июля 1908 года центральный комитет «Единения и прогресса» в ультимативной форме потребовал от султана восстановления конституции, и повисший над пропастью Абдул Хамид во второй раз в своей жизни был вынужден даровать ее стране.

И надо было только видеть, с какой радостью отмечала та свою первую большую победу в борьбе с абсолютизмом.

Оно и понятно: измученные отсутствием свобод люди были счастливы хотя бы тем, что наконец-то могли ни от кого не прячась ходить по улицам!

Цензоры были мгновенно изгнаны, газеты славили революцию, и осмелевшие люди вершили жестокую расправу над агентами султана, вешая их прямо на улицах!

Темницы рухнули, и на свободе оказалось сразу 40 тысяч политических заключенных, от тайной полиции и тридцатитысячной армии доносчиков остались одни воспоминания, и каждый день в стране появлялись общественные организации, ассоциации, клубы и политические партии.

Ну и конечно, началось поголовное братание!

В одном из городов председатель болгарского комитета объявил о примирении с греческим архиепископом, в другом – революционные офицеры посадили в тюрьму турка за оскорбление христианина.

Единая конгрегация турок и армян повторяла молитвы своих священников во время поминовения жертв массовой резни армян.

Полнейшая эйфория охватила и Стамбул, где разгуливающие по улицам огромные толпы жителей кричали:

– Да здравствует конституция! Долой шпионов!

По городу разъезжали повозки, в которых вобнимку обнявшись сидели турецкие муллы, еврейские раввины и христианские священники.

Славили и султана, и тот по требованию своих подданных молился в Святой Софии, где не был более четверти века.

Майоры Энвер, Ниязи и Ейюп Сабри были объявлены «героями свободы» и купались в лучах славы.

С хмурым видом наблюдал Кемаль за охватившей страну эйфорию.

Да и чему радоваться?

Это была не его победа, и он так и остался чужим на этом празднике победителей.

И надо ли говорить, как болезненно была по его самолюбию каждая новая здравица в честь новоиспеченных «героев».

Даже в самые мрачные дни своей ссылки в Сирию он с такой ненавистью не вспоминал одним росчерком пера сломавшего его судьбу чиновника.

И останься он тогда в Македонии, звучавшие сегодня фанфары славили бы его, а не всех этих джемалей и талаатов! А пока он имел то, что имел...

Не обладавшие опытом управления огромной страной и широкой сетью своих комитетов, младотурки повели себя довольно странно.

Судя пор всему, они посчитали, что свое уже сделали, и контроля над армией и парламентом было для них вполне достаточно.

Правительство продолжали возглавлять представители консервативной бюрократической знати, и в стране сложилось опасное двоевластие.

Младотурки не только не вошли в состав правительства, но и, вопреки всем решениям своего же собственного конгресса, оставили на престоле Абдул-Хамида.

Они почти не уделили внимания важнейшим социальным и экономическим вопросам в своей новой программе, отделившись туманными обещаниями.

И только в национальном вопросе была полная ясность.

– Мы, – заявил Джемаль-паша, – ведем не турецкую политику, а политику оттоманского единства, в которой турецкий народ является «краеугольным камнем» всей империи.

И хотя сам Кемаль связывал неспособность младотурок к руководству империей с отсутствием у них надлежащих талантов, на самом деле все было намного серьезнее.

Их умеренность в решении важнейших экономических и социальных задач определялась отнюдь не отсутствием у них блестящих способностей, а сложным социальным составом их движения, слабостью нарождавшейся национальной буржуазии и политической незрелостью почти полностью неграмотного народа.

В связи с этим будет небезинтересно познакомиться с другой точкой зрения на события 1908 года.

«Действительным создателем движения младотурков, – писали американские политологи Джеффри Стейнберг, Аллен Дуглас и Рейчел Дуглас в статье «Чейни свихнулся на «перманентной войне» Парвуса», – был итальянский «свободный каменщик» и торговец зерном Эммануэль Карассо.

Еврей по рождению Карассо был основателем масонской ложи в Салониках – «Ложи Возрождения Македонии».

Практически все члены движения младотурков состояли в этой ложе.

Предтечей ложи македонского возрождения был другой агент Пальмерстона и революционер-provokator Джузеппе Мадзини.

Карассо был главным финансистом всего движения младотурков, во время балканских войн он не только руководил всеми разведывательными операциями младотурков на Балканах, но и обеспечивал поставку продовольствия всей Оттоманской империи во время Первой мировой войны.

Очень прибыльный бизнес, его он делил с Парвусом.

Карассо также финансировал многие газеты и пропагандистские листки младотурков, включая газету «Молодой турок», редактором которой был Владимир Жаботинский.

Другим «деловым» партнером Карассо был Парвус, ставший экономическим обозревателем другой газеты младотурок «Турецкая родина».

Парвус также был партнером Карассо в торговле зерном и оружием, на этих операциях он разбогател.

Из Лондона младотурками руководил Обри Герберт, внук одного из патронов Мадзини, погибшего в 1848 году в Италии, где он возглавлял революционные толпы.

Герберт возглавлял все британские секретные операции англичан на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны, и сам Лоуренс Аравийский слово назвал Герберта действительным руководителем восстания младотурков.

Ведущая роль Эммануэля Карассо в движении младотурков и последующих войнах на Балканах 1912-13 гг. показательна с еще одной точки зрения.

Карассо был протеже и деловым партнером Джузеппе Вольпи ди Мизурата, крупнейшего итальянского банкира начала 20-го века, не только финансировавшего младотурков, но и способствовавшего захвату власти чернорубашечниками.

При фашистском режиме Муссолини он занимал разные посты: был министром финансов (1925–1928), состоял членом Великого фашистского совета, был президентом Фашистской конфедерации промышленников, а главное, он представлял на людях группу аристократов, объединявшихся вокруг графа Пьеро Фоскари, отпрыска древнего рода венецианских дождей».

Противоположных позиций придерживается Электронная еврейская энциклопедия, которая признает наличие масонов в младотурецком правительстве.

«После того, – пишет она, – как в июле 1908 года этот комитет осуществил в Османской империи государственный переворот (так называемая революция младотурок), великим визиером был назначен Кямил-паша (Мехмет Кыбырлы; 1832–1915), кипрский еврей, в юности принявший ислам, а лидер каракашларов Джавид-Бей (1875–1926) стал министром финансов.

Несколько евреев, Эммануэль Карасо, Ниссим Мацлиах и Ниссим Руссо (все – из Салоник), были избраны в парламент и обрели в Стамбуле известное влияние.

На этом основании антисемиты утверждают, будто события 1908 году явились результатом «еврейско-масонского заговора».

Чего добивалось еврейское масонство в Османской империи, рассказывает в своей книге «Четыре года под полумесяцем» венесуэльский «солдат удачи» Рафаэль де Ногалес Мендес, служивший в турецкой армии

– Из книги следует, – говорил главный редактор выпустившего книгу издательства «Русский Вестник», Алексей Алексеевич Сенин, – что главные организаторы геноцида армян – не турецкие военные и не немецкие военные, направлявшие деятельность турецкой армии. Ими были руководители Комитета «Единение и Прогресс» – масонской организации, осуществившей младотурецкую революцию в 1908 году. Основные руководители Комитета были так называемыми «дёнме» – евреями, целенаправленно принявшими мусульманство, прежде всего представителями иудейской общины из города Салоники...

Если верить автору книги и главному редактору, то причины, по которым они организовали геноцид армян, были двоякими.

Армяне со времен Византийской империи составляли мощную экономическую и культурную силу в масштабах Османской империи.

Поэтому, с одной стороны, члены масонского Комитета «Единение и прогресс» несказанно обогатились за счет христиан Оттоманской империи.

С другой, – облегчалась задача превращения Турции в плацдарм еврейской колонизации Палестины.

Остается только добавить, что сторонники этой версии утверждают, что евреям-младотуркам оказывали помощь еврей-большевики, также бывшие масонами.

Одним словом, кругом одни масоны.

Как выяснилось, именно они сделали и русскую революцию. Это вообще, надо заметить, удивительное явление. Чуть что, виноваты масоны. Во многом это вечное нытье и нахождение таинственных масонов и жидов собственными слабостями. А те, кто не мог и не умел бороться, всегда оправдывали свое неумение масонами. Революция во Франции? Виноваты масоны, а не бездельник Людовик XVI и доведенные до отчаяния голодные крестьяне! Победили младотурки в Османской империи? Значит, и там не обошлось без масонов. Пришел Гитлер? Ищите

масонский след. Одним словом, если в кране нет воды... Не понятно только одно. Если масоны на самом деле были такой могущественной организацией, а все Временное правительство и половина Петросовета состояло сплошь из масонов, то почему же к власти в России пришла не ложа Великий Восток, а никому не известные большевики? И где было все их могущество, когда пришедший к власти Гитлер в несколько дней изгнал всех масонов из Германии?

Что же касается младотурков, то, конечно, среди них было немало дёнме.

Как мы уже знаем, считали дёнме и самого Ататюрка, который также был, по мнению некоторых историков, видным масоном.

Но тогда почему этот самый «масон» все свои силы он бросил на создание и укрепление турецкого национального государства?

И как объяснить то, что ухудшение отношения к евреям произошло именно во время правления турецких националистов?

Как считают некоторые исследователи, свое негативное отношение к христианам турецкие националисты перенесли и на другие национальные меньшинства.

Это вылилось в несколько прискорбных инцидентов: погром в Трасе в 1934 году.

Именно там пронацистски настроенные элементы, симпатизировавшие Гитлеру, при поддержке местной организации кемалистской партии изгнали из северо-западной Турции 15 000 евреев.

Более того, в 1942 году в Турции был введен налог на роскошь для тех граждан страны, кто не являлся турками по национальности.

Этот налог был направлен, прежде всего, против евреев и дёнме.

Те из них, кто был не в состоянии заплатить этот налог, были сосланы в трудовые лагеря, где некоторые из них умерли.

Исследователь истории еврейства Марк Дэвид Байер считает, что «самыми большими врагами дёнме были турки-республиканцы».

Так что не складывается...

Знал ли Кемаль, что было на самом деле?

Наверное, знал.

Но это не интересовало его.

Разочарованный в революции, ее лидерах и результатах, он охладел ко всему.

И кто знает, до каких пор продолжалась его депрессия, если бы «Единение и прогресс» не решил послать его в Триполитанию, где бунтовали арабы.

– У вас, – даже не спросив его согласия, заявил Хаджи Адиль, – уже есть большой опыт общения с арабами, и мы очень надеемся на то, что и на этот раз вам удастся оправдать наше доверие и усмирить бунтующих!

Даже не сомневаясь в том, что речь идет о его новой ссылке, Кемаль только хмыкнул в ответ.

А зря!

Как это ни странно, но на этот раз видный представитель комитета говорил чистую правду: он и его коллеги были полны желания с помощью на самом деле прекрасно знавшего местные условия члена своей партии доказать всем подданным империи, что им нечего бояться их и они способны навести в империи порядок.

Да и какую угрозу лидерам движения мог представлять по тем временам не имевший никакого политического веса майор?

Даже, несмотря на то, что в то время самого Энвера в стране не было.

Пытаясь хоть как-то укрепить свои позиции в армии, султан присвоил ему звание паши (генерала) и в январе 1909 года назначил его на престижнейший пост военного атташе в Берлине.

Глава III

Получив на подкуп шейхов кругленькую сумму в тысячу золотых лир, Кемаль отправился в Африку и на глазах у изумленного шейха в клочья порвал правительственные бумаги.

Пораженный таким необычным началом араб удостоил эмиссара Порты долгим внимательным взглядом, в котором уже сквозило нечто похожее на интерес, и... согласился свернуть военные действия.

Как утверждали немногие свидетели этой сцены, Кемаль и на самом деле был неотразим, и все же куда большее впечатление на шейха произвело привезенное им золото.

Ободренный таким началом, Кемаль поспешил в Бенгази, где бунтовал другой могущественный шейх – Мансур.

Он и там попытался было пустить в ход то же оружие, но не тут-то было!

Мансур остался совершенно равнодушным и к его красноречию, и к предложенной ему взятке.

Понимая, что для этого сделанного из железа война нужны совсем другие аргументы, Кемаль сменил тактику и под видом инспекции устроил... военный парад!

Зрелище возымело действие, и смущенный игрой мускулов Мансур заговорил о мире.

Блестяще исполнив порученное ему задание, Кемаль возвратился в Салоники и торжественно отрапортовал лидерам «Единения и прогресса» о своих успехах.

К его великому разочарованию и обиде, те даже не поблагодарили его и заткнули им очередную дыру, назначив начальником штаба Семнадцатой резервной дивизии.

И, снова отрезанному от политической жизни, ему не оставалось ничего другого, как только заняться своими прямыми обязанностями.

Но и здесь его ждало сплошное разочарование.

Все его начинания упирались в глухую стену непонимания, и он все больше убеждался в том, что до столь любимой им армии никому не было никакого дела.

Устав от бесплодных попыток пробить стену отчуждения, он решил махнуть на все рукой.

Но... не получилось...

Живший в нем дух противоречия и амбиции не отпускали, и снова началась депрессия с ее бессонными ночами, тягостными размышлениями и, конечно, раки.

Время от времени он оживал и даже пытался поговорить с лидерами «Единения и прогресса», что называется, по душам, но тем было в те дни не до него.

Обстановка в стране осложнялась с каждым днем, и во многом в этом были виноваты они сами.

Добившись свержения самодержавия и введя турецкую буржуазию в высшие эшелоны власти, «Единение и прогресс» посчитал свою задачу выполненной.

И ошибся!

Мало того что реакция очень быстро восстанавливала свои силы, не было единства и в рядах самих младотурок.

Как это и всегда бывает в таких случаях, после победы над общим врагом главные идеологи движения разделились на два лагеря, которые придерживались различных взглядов на будущее страны.

И в то время как принц Сабахеддин выступал за децентрализацию и религиозно-национальную автономию, его противники были приверженцами строгой централизации и насильственного отуречивания народов империи.

В результате Сабахеддин создал целый ряд политических группировок, среди которых особенно выделялись «Либералы».

В своей борьбе со сторонниками «Единения и прогресса» их лидеры быстро нашли общий язык с консервативной османской бюрократией и правым крылом парламентариев.

Парламент оказался расколотым и так и не принял ни одного важного решения.

Так ничего и не сделав в социальной сфере, младотурки быстро теряли популярность у турецкого населения империи, получившего взамен сладких обещаний еще больший налоговый гнет.

Косо смотрели на них и нетурецкие народы, поскольку младотурки с непостижимой быстротой забыли все свои обещания, и на деле «политика оттоманского единства» свелась к отуречиванию других национальностей.

Печально складывались дела и во внешней политике.

После того как 5 октября Болгария объявила о своей полной независимости от султанской власти, а на следующий день Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, за считанные месяцы империя потеряла больше, нежели Абдул-Хамид за все время своего правления.

Что сразу же дало ему повод обвинить «Единение и прогресс» в «оскорблении нации и религии».

Недовольные политикой младотурок все выше поднимали голову, и Абдул-Хамид не сомневался в том, что он и на этот раз сумеет покончить с ненавистной ему конституцией.

В ход снова пошла религиозная пропаганда, и в столице начались бесконечные демонстрации учеников религиозных школ, требовавших восстановления старых порядков.

Волновались и казармы, где реакционно настроенные офицеры подстрекали солдат на выступления против новой власти.

Против иттихадистов выступили при негласной поддержке султана влиятельные мусульманские фундаменталисты, требовавшие возврата к законам шариата, сторонники партии Ахрар.

Как и всегда в подобных случаях, для решающего выступления нужен был только хороший повод, и его, конечно, нашли.

На одном из собраний одетый в офицерскую форму неизвестный убил близкого к клерикальным кругам журналиста Хасана Фетми-бея, и с быстротой молнии по столице распространились слухи о том, что это дело рук младотурок.

В ночь с 12-го на 13 апреля солдаты Первой армии и многочисленные горожане окружили парламент и потребовали немедленной отставки правительства, восстановления шариата и власти султана.

Затем озверевшая толпа штурмом взяла здание парламента и убила двух депутатов.

Общее число мятежников достигло 100 тысяч.

Началась расправа с приверженцами младотурок.

Русский посол в Стамбуле И.А.Зиновьев в одной из своих депеш сообщал, что «движение вызвано было пропагандой низшего мусульманского духовенства».

Великий везир Хусейн Хильми подал прошение об отставке, и с несказанным удовольствием султан приказал новому правительству удовлетворить требования «восставшего народа».

На великих радостях он закрыл глаза на начавшуюся в Стамбуле вакханалию, и опьяненные победой мятежники с великим знанием дела грабили столицу в течение целых двух дней.

Причем доставалось, как и всегда бывает в таких случаях, и правым и виноватым!

И все же больше всех били, конечно, не успевших бежать в Салоники младотурок.

Однако лидеры «Единения и прогресса» и не думали сдаваться на милость победителей.

За ними стояла расквартированная в Македонии Третья армия, и именно в эти дни Кемаль получил великолепную возможность проявить себя в полном блеске.

Назначенный начальником штаба созданной при его самом активном участии сотысячной «Армии действия», он двинулся в поход на мятежную столицу.

Кемаль сам дал название своей армии.

– Я, – рассказывал он, – хотел найти название, которое не задевает никого и с которым каждый может согласиться. Я выбрал слово «харекет», соответствующее французскому слову «движение», к тому же мы действительно находились в движении...

Он очень надеялся отличиться в боях и занять достойное его дарованиям место в политическом руководстве «Единения и прогресса».

19 апреля «Армия действия» вступила в пригороды Стамбула, и Кемаль от имени командующего пообещал наказать всех «преступивших через конституцию и позорящих всех честных офицеров Османской армии мятежников» и простить раскаявшихся.

В почтовом отделении, откуда он давал свои телеграммы, он познакомился с морским офицером Хусейном Рауфом, будущим командиром легендарного крейсера «Хамидие» и его соратником в борьбе за Независимость.

А затем... командование «Армии действия» возглавили командующий Третьей армией Махмут Шевкет-паша, примчавшийся на звук выстрелов из Берлина Энвер и другой герой революции майор Ниязи.

Кемаль снова оказался на вторых ролях.

Впрочем, ему в любом случае ничего не светило, так как он умудрился испортить отношения с командующим, и, как указывают некоторые документы, он был снят с должности и отослан в Салоники еще до смены руководства армией.

22 апреля члены разогнанного парламента приняли решение о смещении султана, а еще через несколько дней произошло кровопролитное сражение со стоящими на стороне султана воинскими частями.

Прекрасно организованная стараниями Кемалья «Армия действия» одержала победу и вошла в Стамбул, где встретила не менее яростное сопротивление особо рьяных защитников Абдул Хамида.

Особенно жестокие бои шли у здания правительства, где мятежники заблаговременно возвели баррикады.

Снова отличился взявший штурмом казармы бунтовщиков Энвер.

По занятию Константинополя, Махмуд Шевкет-паша окружил своими войсками дворец Йылдыз, где жил Абдул-Хамид, и прекратил все его сношения с внешним миром.

Лишенный пищи, воды и освещения, окруженный своими телохранителями и фаворитами, осыпавшими теперь его упреками, Абдул-Хамид через 2 дня выразил желание вступить в переговоры.

Вторая дивизия с боем взяла султанский дворец, и победители прошли победным маршем по столичным улицам, толкая перед собой длинную вереницу евнухов, шпионов и рабов султана.

Назначив себя военным комендантом, Махмут Шевкет-паша ввел в городе военное положение, и суды военного трибунала приступили к своей кровавой работе.

Отныне всех замеченных в сопротивлении властям ждала либо казнь, либо арест, либо ссылка.

Затем Шевкет-паша послал своих офицеров в провинции для сбора налогов.

Так под знаменем конституции и демократии армия на какое-то время установила в стране свой собственный контроль.

Окончательная развязка наступила 27 апреля, когда на совместном заседании палаты депутатов и сената в Святой Софии бывший великий везир Саит-паша зачитал столь долгожданную фетву шейх-уль-ислама о низложении самого кровавого в истории Османской империи султана и лишении его сана халифа.

Депутаты отправились во дворец, и глава делегации зачитал Абдул-Хамиду фетву о возведении на престол его брата Решада.

– Это судьба! – гордо ответил султан. – И все же Бог покарает творящих зло!

Ночью султана посадили на уходящий в Салоники поезд.

На пустом вокзале не было ни почетного караула, ни блестящих орденами царедворцев. Выполнявший роль тюремщика Али Фетхи небрежно махнул рукой, и поезд медленно тронулся в ночь.

Так прозаично закончилась самая страшная эпоха в истории Османской империи...

Да, это было страшное время, и все же нельзя красить правление Абдул Хаида II только черной краской.

За 30 лет его нахождения у власти был построен ряд железнодорожных линий, доходы государства возросли вдвое, в судебную систему были внесены видимые изменения, открывались новые учебные заведения, и делалось многое другое.

Но в то же самое время другие государства, в том числе и соседние с империей, развивались намного быстрее.

Мы еще увидим, какое восхищение вызвала у Кемалья Болгария, в которую он был направлен военным атташе.

Но... никому не дано прыгнуть выше головы, и Абдул-Хамид II не являл собой исключения.

Причин тому было много.

«Больной человек, – говорил по этому поводу в 2002 году председатель Совета по высшему образованию Турции профессор Кемаль Гюрюз, – стал смертельно больным» не без постоянного вмешательства в реформы консервативных кругов ислама, поэтому так и не стали реальностью принципы танзимата и конституции».

Была ли вина в этом султана?

Вряд ли, поскольку он был продуктом своего времени.

И если сам Кемаль в начале Освободительной борьбы будет часто прибегать к помощи религии, дабы не отпугнуть от себя население Анатолии, то, что же говорить о султанах, который одновременно являлся и халифом?

– В нашем труде, – говорил Кемаль на одном из выступлений, – в наших усилиях мы по-прежнему будем опираться на бесконечную милость к нам и покровительство Аллаха и на нестигаемую волю и решимость нашей нации перед лицом любых трудностей...

Как тут не вспомнить Эклессиаста.

«Всеу свое время, время собирать и разбрасывать камни...»

И время собирать их еще не пришло...

Глава IV

Апрельские события означали окончательное завершение младотурецкой революции.

И, что бы ни говорил о ней сам Кемаль, начатая как военный путч, она обрела свое историческое значение, открыв простор сдерживаемым султаном новым социальным силам.

Стамбул стал центром политической активности, и в него сразу же устремились деятели эмиграции, балканские и иранские революционеры, деятели арабской культуры и даже представители тюркских народов России.

Вместе с ними в страну широким потоком хлынули идеи мусульманской реформации, популизма, национализма и социализма.

Благодаря этому, эпоха младотурок была самой интересной с точки зрения борьбы мировоззрений.

Именно тогда в непримиримой и, что самое главное, открытой схватке сошлись между собою сторонники османизма и уже зарождавшегося национализма, либералы и консерваторы, демократы, автократы и выразители прочих идей.

Это были тяжелейшие для пережившей подряд четыре тяжелых войны Турции времена.

Безвольный и болезненный Мехмет V Решид царствовал, но не управлял.

Суды военного трибунала продолжали свою кровавую «жатву», однако ставший военным диктатором Шевкет-паша и не думал злоупотреблять своей безграничной властью.

Твердо веривший в идеалы конституции, он тесно сотрудничал с гражданскими членами комитета, которые стали фатическими правителями страны.

Но именно тогда на стыке танзиматской и младотурецкой эпох зарождались те самые идеи, которые спустя всего два десятка лет станут основой строительства новой Турции.

Что же касается снова забытого лидерами младотурок Кемалю, то его ждало новое разочарование.

Для проведения столь долгожданной им военной реформы лидеры «Единения и прогресса» пригласили немецкого генерала фон дер Гольца, и немецкие фирмы начали поставлять империи новейшее вооружение, боеприпасы и экипировку.

Внимательно наблюдавший за всеми этими свершениями Кемаль испытывал к происходящему двойственные чувства.

С одной стороны, он был несказанно счастлив тем, что воз наконец-то сдвинулся с места и армия начала свое великое возрождение.

Но в то же самое время ему не нравилось то, что первую скрипку в ее возрождении играла германская военная миссия.

Но делать было нечего, и ему снова пришлось смириться, благо что его назначили в управление по подготовке кадров Третьей армии, и перед ним открывалось достаточно широкое поле деятельности.

Кемаль с редким для него удовлетворением погрузился в работу.

Его блестящие лекции имели огромный успех, и офицеры быстро прониклись уважением к прекрасно своему образованному и энергичному преподавателю.

Но Кемаль поражал сослуживцев не только обширными знаниями, но и своей поистине нечеловеческой выносливостью.

Он последним уходил из казино и первым появлялся на службе.

А в перерыве между этими достойными занятиями успел перевести книгу бывшего директора Берлинской военной академии генерала Литцемана.

Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы только слепо копировал чужие сочинения, и он по возможности исправлял давно устаревшие идеи немецкого генерала.

Вскоре начались военные маневры, и Кемаль отправился в Кепрулу, где предложил главе германской военной миссии маршалу фон дер Гольтцу собственный план учений.

И фон Гольтц с интересом ознакомился с ним.

– Конечно, – говорил довольный Кемаль друзьям, – одобрение такого блестящего военного, как фон дер Гольтц, имеет большое значение, но куда более важным мне казалось доказать то, что мы и сами могли кое-что предложить для защиты своей страны...

И для обеспечения этой самой защиты он буквально лез из кожи.

Он проводил полевые занятия и постоянно изыскивал возможность повысить эффективность ведения боевых действий.

Жесткий и требовательный, он нередко срывался и, возмущенный несообразительностью и неумением своих подчиненных, вел себя так, что многим за него становилось стыдно.

Точно так же он повел себя и с давно уже отслужившими свое старшими офицерами, обвинил их в совершенном непонимании принципов управления войсками.

– Нашей армии, – ничуть не смущаясь присутствием «старой гвардии», во всеуслышание заявил он в офицерском клубе, – совершенно не нужно ее высшее командование. И было бы прекрасно, если бы ее командная структура заканчивалась майорами, поскольку уже завтра из их рядов выйдут прекрасные командиры!

Обиженная «старая гвардия» решила проучить наглеца и поставила Кемалья командовать пехотным полком, очень надеясь на то, что на практике этот воинствующий теоретик сломает себе шею.

Но Кемаль быстро разочаровал их, блестяще справившись со своими обязанностями.

Еще одну причину слабой подготовки офицеров Кемаль видел в их чересчур активном занятии политикой.

– Какой толк, – вопрошал он на очередном конгрессе «Единения и прогресса», благо, что сам Шевкет-паша придерживался точно такого же мнения, – от заседавшего в парламенте генерала? Его дело учить солдат! Повальное участие офицеров в политической жизни губительно для армии. И именно поэтому Третья армия, многие офицеры которой являются членами «Единения и прогресса», не может считаться современной армией!

И какова же была радость Кемалья, когда такие видные деятели движения, как Исмет и Кязым Карабекир, поддержали его предложение.

Но, увы, дальше разговоров дело так и не пошло.

Да, офицеры перестали посещать партийные клубы, но комитет по-прежнему продолжал опираться на военных.

А вот отношения самого Кемалья после конгресса с некоторыми членами комитета испортились окончательно.

С кем именно так и осталось неизвестным.

В связи с этим надо заметить, что выступавший под общим девизом «Спасение империи и контроль над султаном» комитет «Единения и прогресса» являл собой удивительный ансамбль противоборствующих кланов, во главе которых стояло около тридцати лидеров.

А на вершине пирамиды возвышался странный триумvirат в составе Энвера, Талаата и Джемалья.

Странным он был по тому, что даже при всем желании было сложно найти столь различных людей.

И тем не менее...

Надо полагать, что Кемаль не поладил с кем-то из лидеров, поскольку ему сначала угрожали, а потом дважды (в 1909 и 1911 годах) его пытались убить.

После многих лет, проведенных в подполье, «Единение и прогресс», даже добившись власти, сохранил жесткие привычки подполья.

И его руководители безжалостно расправлялись со всеми неудобными.

Для своих темных дел они использовали профессиональных убийц из секты федаев.

И если верить воспоминаниям Кемалья, то в течение нескольких недель федаи охотились за ним и даже стреляли в него.

Говоря откровенно, странные это были покушения.

Федаи всегда довели дело до конца и никогда не промахивались, и Кемалю, если дело обстояло именно так, крупно повезло...

Тем не менее, Кемаль не спешил покидать ряды комитета, хотя и превратился в то время в обыкновенного наблюдателя.

Что же касается высших руководителей партии, то между ними и Кемалем лежала огромная пропасть, и преодолеть ее он смог только в отношениях с Джемалем...

Глава V

Летом 1910 года с группой османских офицеров Кемаль был послан на учения французской армии в Пикардию.

И надо ли говорить, с какой радостью и интересом ехал он в даровавшую миру великую революцию страну!

Как только они переехали границу, он сменил феску на фуражку, и майор Саляхеттин недовольно заметил:

– Что ты делаешь? Разве ты забыл, что мы представляем наше государство? И все должны видеть, что мы османы!

Кемаль только пожал плечами.

Но когда поезд остановился на одной из сербских станций и один из мальчишек заорал пронзительным голосом на весь перрон «чертов турок!», майор тут же достал из своего чемодана фуражку.

Кемаль с огромным интересом наблюдал за всем происходящим на полях Пикардии.

Но, увы, в империи снова обострилась обстановка, и вместе с военным министром Махмутом Шевкет-пашой его отправили на подавление восстания в Албании.

Шевкет-паша сдержал данное им в Стамбуле слово и со свойственной ему жестокостью принялся уничтожать бунтовщиков.

Сам Кемаль почти не принимал участия в боевых действиях и занимался в основном разведкой.

Албанцы получали оружие из пограничных с ними стран, и он был обязан перекрыть эти пути.

Говоря откровенно, он не был в восторге от своего участия в исполнении жандармских функций по подавлению восстания.

Ведь это был не просто бунт, а борьба двух идеологий: османизма, за который все еще цеплялись младотурки, и национализма нетурецких народов.

Более того, судя по его поведению в Сирии и дальнейшим высказываниям, Кемаль оказался в затруднительном положении: прогрессивно мыслящий человек, он был обязан самым жестоким образом подавлять ростки национального самосознания.

Да и чего особенного требовали албанцы?

Независимости?

Так это естественное стремление любого народа!

Развития своего собственного языка?

Так и здесь не было ничего удивительного, поскольку язык являлся неотъемлемой частью национальной культуры, и любой народ имел право говорить на своем собственном языке!

Да и в желании албанцев видеть на всех ключевых постах в управлении страной своих соотечественников тоже не было ничего странного.

И когда на званом обеде в Салониках немецкий полковник фон Андертен произнес здравицу в честь «великой Османской империи, сокрушившей сопротивление албанцев», Кемаль демонстративно поставил свой бокал с шампанским на стол.

– Турецкая армия, – заявил он, – выполняет свой долг, когда защищает страну от иностранной агрессии и освобождает нацию от фанатизма и интеллектуального рабства! К сожалению, турецкая нация намного отстает в своем развитии от Запада, и главной нашей целью является как можно быстрее вхождение в современную цивилизацию! И как турецкий офицер, я не могу гордиться подобными победами!

Все были шокированы его поведением, и особенно словом «турецкий», которое в Османской империи означало «невежественный».

Да и само слово «турок» служило не обозначением национальности, а употреблялось как ругательство.

Кемаль продолжал развивать свои идеи в кругу друзей и не раз заявлял о том, что вся сложность нынешнего положения Османской империи кроется в ее имперском мышлении и что в национальных движениях заложен глубокий исторический смысл.

Конечно, подобное понимание приходило к нему не только под влиянием всего увиденного им за эти годы.

Определенное влияние оказал на него и великий турецкий мыслитель того времени Зия Гёкальп.

Отдав неизбежную по тем временам дань османизму, он стал склоняться к тюркизму – турецкому национализму, который представлял у него уже не какое-то отвлеченное и чисто философское понятие, а реальное явление со своими традициями, фольклором, языком и всем тем, что формирует национальное сознание.

Конечно, он не изобрел ничего нового, и первыми о тюркизме заговорили жившие в России татары и узбеки.

Так, еще в 1904 году в газете «Тюрк», издававшейся в Каире, появилась статья Юсуфа Акчуры «Три вида политики».

В ней были названы три варианта выбора государственной идеологии, стоявшие перед османским государством – османизм, исламизм и тюркизм.

Османизм означал равенство родового происхождения, религий и учений во имя создания совместной родины.

Исламизм – это собрание всех мусульман мира в едином исламском союзе.

Что же касается тюркизма, то автор статьи считал, что «мысль о необходимости осуществлять национальную политику на расовой основе абсолютно нова и не существовала ранее ни в Османском государстве, ни в других тюркских государствах».

Выходец из России и татарин по национальности Акчура стал одним из лидеров течения тюркизма.

«Тюркский союз, – писал автор, – начинается с тюрков.

В этом большом сообществе самую главную роль будет играть Османское государство – наиболее сильное, наиболее передовое и цивилизованное из тюркских обществ».

Практически всеми исследователями его взгляды оцениваются как пантюркистские.

«Идею Туранизма, – отмечал Поултон, – унификацию всех тюркских народов от Балкан до Китая в единую страну, именуемую Туран – изначально можно заметить в идеях Акчуры.

Туранистское движение, которое в известной степени можно рассматривать как крайнее проявление этнического национализма, заявило о себе после младотурецкой революции и было привнесено эмигрантами из России».

Поултон был убежден, что именно при младотурках получила распространение «идея Турана как прародины всех тюрков».

Был он убежден и в том, что эти российские тюрки надеялись сделать Османскую империю локомотивом тюркизма во имя свободы тюркских Народов России.

Тем не менее, турецкие историки главенствующую роль в детальной разработке более вариативной и гибкой концепции тюркизма признают за «своими» идеологами и, прежде всего, за Зией Гёкальпом.

Дабы облегчить проникновение своих идей в народ, Зия стал излагать их в стихах, сказках и легендах, прославлявших прошлое турецкого народа и доказывавших его неразрывную связь с Центральной Азией.

И, посещая облюбованное знаменитым философом кафе, Кемаль с интересом слушал его в высшей степени неординарные по тем временам рассуждения о качественно новой турецкой нации, имевшей крепкие корни и обеспеченное будущее.

Больше всего Кемалю интересовало отношение философа к цивилизации и культуре, которую надлежало не только сохранять, но и всячески развивать.

– Да, – часто повторял Зия, – мы должны перенять у Запада его цивилизацию, но при этом опираться только на собственную культуру, игравшую решающую роль в становлении национального самосознания...

– Что для этого надо? – вопрошал философ и отвечал: – Прежде всего, заменить малопонятный народу османский язык на турецкий, что будет способствовать сплочению нации.

Считая ислам не только частью национальной культуры, но и величайшим источником этического воспитания, Зия, тем не менее, был сторонником светского государства

Турецкие мусульмане должны поддерживать отношения со своими братьями во всем мире, но на первом месте должны стоять интересы турецкой нации.

И именно поэтому арабские традиции в исламе необходимо заменить турецкими, а службы отправлять только на турецком языке.

Да и сам Коран, по мысли Зии, надлежало изучать только на турецком языке, дабы верующие могли лучше понимать свою религию, а не выхватывать из нее малопонятные отдельные фразы на чужом языке.

Прекрасно понимая роль семьи в становлении здоровой нации, Зия выступал за предоставление женщине равных прав с мужчиной, упразднение полигамии и прочих пережитков старины.

В противовес панисламистам он обосновывал необходимость разделения светской и духовной власти и развития турецкой нации на основе достижений европейской цивилизации.

А чтобы как можно скорее добиться успеха на этом пути, считал он, надо было объединить все тюркоязычные народы в рамках единого государства.

В опубликованном им стихотворении «Туран» он писал:

*Родина для турок – это не Турция и не Туркестан,
Родина – это великая и вечная страна – Туран.*

Иными словами, он проповедовал пантюркизм.

Как это ни удивительно, но впервые об идее создания Великого Турана заговорили отнюдь не восточные идеологи.

Первопроходцем стал Арминий Вамбери, венгерский еврей-эмигрант, ученый и путешественник, работавший на британскую разведку.

Человек прямо-таки легендарный.

Востоковед Пургисталь возбудил в нем интерес к изучению восточных языков.

Изучая их, Вамбери заметил, что в венгерском языке можно было найти слова, схожие с теми, которые употребляют тюркоязычные народы.

Надо заметить, что ученых давно волновала загадка происхождения венгров, или, как они себя называли, мадьяров.

Откуда явились они на берега Дуная?

С какой прародины принесли язык, столь отличающийся от языков их европейских соседей?

Значит, прародиной венгров была Центральная или Средняя Азия?

Барон Этвеш, венгерский лингвист, к которому Вамбери пришел в дырявых башмаках, сочувственно отнесся к его предложению – отправиться на Восток для выяснения сходства венгерского языка с языками азиатских народов.

В Турции Вамбери прожил шесть лет.

Сначала он был странствующим чтецом.

На второй год стамбульской жизни Вамбери часто видели во дворах мечетей, где, сидя у ног учителей-хаджи, он постигал премудрости ислама.

В Стамбуле он оказался, когда ему было примерно 20 лет.

Вскоре он стал учителем модного в то время в Турции французского языка.

Прошло еще три года, и Вамбери стал появляться в министерстве иностранных дел и на приемах в посольствах – владея уже тридцатью языками, он мог быть переводчиком решительно всех дипломатов при дворе султана.

Приняв ислам, Арминий работал некоторое время секретарем у Мехмеда Фуад-паши, министра иностранных дел Турции.

Постепенно настоящее его имя забылось и важного господина, имеющего собственную карету, стали называть Рашид-эфенди.

И он, вероятно, не преувеличивал, когда много лет спустя говорил, что в турецких делах разбирался не меньше, чем любой эфенди, рожденный в Стамбуле.

Вместе со странствующими дервишами он прошел весь Восток.

Чалма дервиша прикрывала голову тесно связанного с Венгерской Академией наук зна-тока восточных языков и уникального британского разведчика Арминия Вамбери, от природы обладавшего редким даром перевоплощения.

Лингвистические исследования прославили Арминия Вамбери.

Но в поисках прародины венгров он не нашел верного пути.

Общей прародиной предков венгров, ханты, манси было, вероятно, Южное Приуралье.

В своих исследованиях Вамбери выполнял заказ английских правящих кругов.

Тем не менее, в своем «Путешествии по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару, Самарканд, предпринятом с научной целью, по поручению Венгерской Академии в Пеште, членом ее А.Вамбери», британский разведчик Вамбери писал: «Русское образование и культура ловкой рукой была пере-сажена в Среднюю Азию, в эту крепость дикого фанатизма, алчности и тирании.

Завоевание русскими Туркестана было счастьем для населения этой страны.

В этом должна сознаться даже Англия».

Демонстративно расставшись с родиной, где его недостаточно оценили и вознаградили, Вамбери переселился в Лондон, с которым уже давно поддерживал тесные связи.

Он занялся политикой и уже открыто считался специалистом по «восточным и русским делам».

В том же своем «Путешествии по Средней Азии» Вамбери провозгласил и новую геополитическую доктрину – пантюркизм, основывающийся на приоритете этнической общности и происхождения турок и других тюркских народов.

В стамбульский период своей жизни, Вамбери был наставником лидера новых османов Мидхат-паши, который еще в 1876 году, по мнению некоторых ученых, намеревался спасти шедшую к упадку империю с помощью пантюркизма.

Эта же программа в основных своих принципах оставалась доминирующей в идеологии младотурков уже в начале XX века.

Многие исследователи пантюркизма и сейчас уверены в том, что Вамбери путешествовал по Средней Азии под видом суфия с целью объединения вокруг турецкого султана всех антироссийских сил.

«Турецкая династия, – писал Вамбери, – оплот Османского могущества, создала из многих элементов на основе общего языка, религии и истории империю, простирающуюся от берегов Адриатики до самого Китая, более могущественную империю, чем ту, что собрал Романов из самых разнородных и разрозненных материалов.

Анатолийцы, азербайджанцы, туркмены, озбеги, киргизы и татары должны войти в единое целое могучего турецкого колосса, что позволит ему на равных померяться силами с северным соперником».

В 1857–1863 годах Вамбери был советником турецкого султана.

Именно тогда Вамбери впервые ознакомил султана с идеей о пантуранской супердержаве.

Основная идея пантюркизма заключается в объединении всех тюркских народов или тюркского мира в одном государстве, при лидирующей роли Турции.

Вамбери работал и на министра иностранных дел Великобритании лорда Палмерстона, который затем стал премьер-министром этой страны.

Идея венгерского профессора была весьма искусно использована британцами.

Основной целью Вамбери было создание антиславянского движения для того, чтобы ослабить позиции России и в конце концов отвлечь ее от борьбы за влияние в Персии, Центральной Азии и на индийском направлении.

Идеи пантюркизма поощрялись английскими, французскими, германскими и австрийскими правящими кругами и их спецслужбами.

Основной целью было повернуть направление возможной турецкой экспансии от Европы в сторону Российской империи, под властью которой находилась основная масса тюркских народов за пределами Османской империи.

Логика создания пантюркизма была весьма проста.

Данная политика давала возможность одновременно достичь двух важнейших целей.

Во-первых, Турция, жаждущая реванша над европейскими державами за потерю своих владений в Европе, более не рассматривала возврат данных территорий в качестве основной своей задачи и, таким образом, не угрожала европейским странам.

Во-вторых, она направляла свой взор на российские территории, так что в результате столкновения двух империй ослабевали обе, а в выигрыше оказывались великие европейские державы, которые могли в результате этого включить в сферу своего влияния обширные территории.

Другим европейцем, стоявшим у истоков пантюркизма, является сотрудник британской разведки Вилфред Блант, которого нередко называют отцом-основателем панарабизма.

Именно этот человек являлся автором идеи создания младотурецкого движения.

До сих пор окутана тайной деятельность итальянского подданного Эммануэля Карассо, который основал младотурецкое общество в Салониках, первое и главное представительство младотурецкой партии в Османской империи.

Редактором газеты «Младотурки» был другой европеец, Владимир Жаботинский.

Весьма весомый вклад в развитие идеи пантуранизма внесли представители тюркских народов бывшей Российской империи – татары Ахмеда Агаев, Юсуф Акчуру, Али Гуссейн Задэ, Исмаил Гаспринский и др.

Первым глашатаем идеи единения тюркских народов стала газета «Тарджуман» («Переводчик») с ее лозунгом «Единство в мыслях, словах и делах», которая с 1883 года издавалась в Бахчисарае Исмаилом Гаспринским.

Однако даже эти деятели получили свои знания и вдохновение идей пантюркизма в европейских учебных заведениях.

В XIX веке в таких европейских странах, как Франция, Германия, Великобритания, Дания, в качестве одного из направлений ориенталистики начинает развиваться тюркология.

В данном контексте хотелось бы упомянуть знаменитую книгу Леона Кахона об истории тюркской расы и словарь тюркских наречий Радлова.

В Османской империи одним из первых идеологов тюркизма был министр военных училищ Сулейман-паша.

Идеи тюркизма и пантюркизма он начал распространять именно среди учеников военных училищ, что было обусловлено влиятельным положением армии в турецком обществе.

Сильнейшее впечатление на него произвела уже упомянутая книга Жозефа Де Гиньи.

Сулейман-паша первым в Османской империи описал историю тюрков в своей книге «История мира» (1874) и в своем государстве выступил против употребления термина «османский язык», считая, что османский язык является всего лишь смесью арабского, персидского и турецкого языков, и предложил использовать определение «турецкий язык».

Говоря о развитии пантюркизма в Османской империи, нельзя не упомянуть Мустафу Джелалетдин-пашу (1826–1876).

Его настоящее имя было Константин Божецкий, и он происходил из рода польских шляхтичей.

В 22 года он участвовал в польском восстании против Российской империи и после подавления восстания эмигрировал в Стамбул.

Он поступил на службу в османскую армию и принимает ислам, а вместе с ним и новое имя.

Джелалетдин-паше принадлежит идея «туро-арианизма», в соответствии с которой европейские и тюркские народы составляют единую расу, а западная культура является продуктом интеллектуальной деятельности «туро-арианцев».

Он также утверждал, что часть тюрков, принявших ислам, сошлась с семитской культурой.

Он же предлагал связать христианские народы Османской империи с тюркским элементом культурно-языковыми связями, или попросту ассимиляцией.

Сложно сказать, знал ли Кемаль обо всех этих философах, но, слушая Кёкальпа, Кемаль постоянно ловил себя на мысли о том, что на многие вещи он уже давно смотрит его глазами.

Да, все так: и культура должна быть своя, и цивилизация европейская, и женщина должна обладать равными с мужчиной правами.

А вот пантюркистских настроений, открывавших широкую дорогу воинственно настроенным людям, в учении Гёкальпа Кемаль не принял.

Но как бы там ни было, он с большим уважением относился к философу и все больше попадал под влияние его националистических идей.

И когда на учениях Пятнадцатого артиллерийского полка немецкий офицер в очередной раз поздравил его «с успешным завершением миссии в Албании», Кемаль в довольно резких тонах высказал немцу все, что он об этом думал!

Затем ему под горячую руку попался один из самых ярких представителей столь нелюбимой им «старой гвардии» командующий Пятой армией Хасан Тахсин-паша, в какой уже раз продемонстрировавший свою полную неспособность управлять войсками на очередных учениях.

Конечно, позволь он себе подобное еще несколько лет назад, и от него бы мгновенно избавились.

Однако теперь, когда сам Энвер стоял за омоложение армии, он мог позволить себе критиковать генералов и полковников.

Критика не прошла ему даром, и в сентябре 1911 года при содействии «старой гвардии» его сослали в Первый отдел Генерального штаба.

И эти люди знали, что делали.

Шли дни, недели, месяцы, но никто и не думал обращаться к Кемалю ни с какими вопросами.

А когда он и здесь попытался поднять бунт и проломить глухую стену непонимания, его решили заслать еще дальше.

В Триполи!

И надо ли говорить, с какими чувствами поднимался Кемаль на борт стоявшего под парами парохода.

Один из лучших командиров османской армии, он был изгнан из нее в самый ответственный для нее момент.

Однако до Триполи он так и не добрался из-за начала войны с Италией.

И теперь все помыслы Кемалья были устремлены в Северную Африку, где шла настоящая война.

Оставалось только найти способ, чтобы добраться туда...

Глава VI

Итальянцы давно мечтали заполучить в свои руки две африканские провинции Османской империи – Триполитанию и Киренаику.

Эти пустынные африканские территории имели весьма важное стратегическое значение, и, заполучив их, Италия могла существенно усилить свои позиции в Средиземном море.

И именно Триполитанию итальянцы уже тогда рассматривали как плацдарм для дальнейшей экспансии.

23 октября 1909 года в замке Раккониджи близ Турина состоялась встреча императора Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III.

Монархи выпивали и развлекались охотой, а их министры иностранных дел Томмазо Титтони и Александр Извольский составили секретное соглашение.

Они договорились о том, что Италия обязывалась «относиться благожелательно к русским интересам в вопросе о Проливах».

Со своей стороны, царская дипломатия обещала такую же «благожелательность» «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.